B 18/194

В 18
194

† Проф.-прот. Е. П. Аквилоновъ.

БЕЗСМЕРТІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій, 8.
1912.

2007051093

18
194
МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-21097
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Безсмертіе *).

I.

Предсказанія науки.

Въ извѣстномъ смыслѣ наука только загромождаетъ путь къ разсужденію на эту тему, потому что, занимаясь фактами и выводимыми изъ нихъ законами, доступными внѣшнему воспріятію, она не въ состояніи отвѣтить на вопросъ о будущей жизни ни въ томъ смыслѣ, что она совершенно невозможна, ни въ другомъ, что къ ней, по крайней мѣрѣ, открытъ путь. Мало пользы доказывать посмертное бытіе на основаніи природы Божества, человѣка и универса:— матеріалистъ возражаетъ на это, что совсѣмъ нѣтъ никакой души, ни отдѣльнаго отъ тѣла духа. Прежде нежели обращаться къ философскому и религіозному доказательствамъ, предварительно необходимо указать, въ чемъ заблуждается матеріалистъ, и что будущая жизнь, по крайней мѣрѣ, возможна.

Въ какомъ отношеніи состоитъ современная наука къ вопросу о будущей жизни? Это послѣднее можно охарактеризовать однимъ словомъ: агностицизмъ. Одни изслѣдователи (Фарадей) соединяютъ искреннюю вѣру съ своими физическими изысканіями. Много другихъ отказываются отъ прямо-

*) Этотъ поучительный трактатъ приснопамятнаго о. Протопресвитера Евгенія Петровича Аквилонова († 1911, III, 30), занималъ его по своей темѣ давно, но фактически принадлежитъ, повидимому, къ позднимъ его произведеніямъ и найденъ почти вполнѣ приготовленнымъ къ печати, хотя издается теперь съ нѣкоторыми сокращеніями.

Ред.

го отвѣта на вопросъ, считая его не относящимся къ области ихъ научныхъ изслѣдованій и предоставляя вѣдаться съ нимъ философіи и богословію. Но значительное большинство согласно съ Дарвиномъ, Гекели, Спенсеромъ и Тиндалемъ въ заявленіи, что въ разсужденіи взятаго предмета нельзя ни доказать чего-либо, ни опровергнуть, и что никто не можетъ ни утверждать, ни отрицать посмертнаго существованія, по неимѣнію необходимыхъ фактовъ для соотвѣтствующаго сужденія. Они откровенно признаются въ томъ, что такъ какъ никто не въ силахъ понять таинственной качественности, называемой «жизнь», то никому не можетъ принадлежать и увѣренность въ ея загробномъ продолженіи. Таковы ихъ рѣчи. Не воспрещается надѣяться, но воспрещается утверждать.

Однако, при взглядѣ на такое, наиболѣе популярное, положеніе дѣла въ настоящее время, мы убѣждаемся въ томъ, что приведенными словами отвѣчаетъ не вся наука, а только одно естествознаніе. Естественно, что вопросъ о безсмертіи не принадлежитъ области физической науки, подобно какъ и другіе вопросы о высочайшихъ реальностяхъ жизни—о Богѣ, душѣ, о нравственномъ чувствѣ, объ аффектахъ, объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ. И, однако же, они занимаютъ самое высокое мѣсто въ человѣческой конституціи. Съ такимъ же правомъ можно попытаться взвѣсить душевную эмоцію, опредѣлить специфическую тяжесть аффекта, или произвести химическій анализъ души, съ какимъ подвергнуть научной повѣркѣ неразрушимость душевной жизни,—но это относится уже къ царству духа, а не чувственнаго воспріятія. Но естествознаніе является только одною изъ многочисленныхъ научныхъ отраслей. Наука въ своемъ цѣломъ всеобъемлюща. Подъ нею разумѣется совокупность всего систематизированнаго знанія. Метафизическое знаніе достовѣрно не менѣе физическаго; что мы думаемъ и чувствуемъ—это настолько же реально, насколько и то, что мы видимъ и осязаемъ; факты нашей душевной жизни въ своей достовѣрности не уступаютъ нисколько фактамъ внѣшняго опыта. Одно естествознаніе можетъ оказаться не въ состояніи доказать или опровергнуть истину безсмертія; зато, взятая въ своемъ цѣломъ, наука представляетъ убѣдительныя доказательства въ пользу безсмертія, такъ что агностицизмъ окажется не въ силахъ отстоять занятую имъ позицію. Наше требованіе отъ естествознанія сводится къ тому, чтобы послѣднее призналось въ томъ, что, недоступ-

ная физическому доказательству, истина безсмертія этимъ еще не опровергается, а только имѣетъ предъ собой открытый путь къ доказательствамъ изъ другихъ областей знанія.

Впрочемъ, при всей его распространенности, этотъ взглядъ не является неоспоримымъ. Приходится считаться съ крайней позиціей матеріалистовъ, отнюдь не мирящихся съ сомнительнымъ положеніемъ проблеммы, но рѣшительно отрицающихъ будущую жизнь. По ихъ утвержденію, только одна матерія является субстанціей, всѣ же физическія явленія суть только произведенія матеріи, слѣдовательно, жизнь начинается вмѣстѣ съ тѣломъ и съ нимъ же кончается,—сознаніе рождается изъ мозговой матеріи и прекращается съ ея разрушеніемъ. «Физіологія», говоритъ Фогтъ, «опредѣленно и категорически свидѣтельствуетъ противъ индивидуальнаго безсмертія, равно какъ и противъ обособленнаго существованія души». «Мысль», по словамъ Молешотта, «есть движеніе матеріи: безъ фосфора нѣтъ мысли». «Съ упадкомъ и разложеніемъ своего матеріальнаго субстрата», утверждаетъ Бюхнеръ, «посредствомъ котораго онъ достигнулъ сознательнаго существованія и сталъ личностью, и отъ котораго находился въ зависимости, духъ долженъ прекратить свое бытіе». «Октогенезисъ сознанія», говоритъ Геккель, «совершенно ясно показываетъ, что онъ— не «имматеріальная сущность», а только физіологическая функція мозга». Разстройство какой-нибудь одной части аппарата», говоритъ Дюрингъ, «сопровождается прекращеніемъ той или другой жизненной операціи, откуда слѣдуетъ, что гдѣ только распространяется жизнь, мы имѣемъ предъ собою лишь одну органическую функцію, а не Ding-an-sich (вещь въ себѣ) или выраженіе воображаемой сущности—душу. Эта основная пропозиція ведетъ къ отрицанію безсмертія души, потому что гдѣ нѣтъ души, тамъ не можетъ возникать и никакого вопроса объ ея смертности или безсмертіи».

Въ виду этихъ изумительно-поразительныхъ заявленій мы должны, прежде всего, отвѣтить матеріализму вообще, а затѣмъ уже постараться понять ту спеціальную его фазу, которая отправляется отъ произведеній мозга, а кончаетъ душою. Какъ это, вообще, возможно здравомыслящему человѣку положительно заявлять, что душа не существуетъ по смерти? Какъ онъ можетъ знать объ этомъ? Всѣ физическіе факты относятся къ заключенной въ тѣлѣ душѣ, но отнюдь не покрываютъ поля отдѣленной отъ тѣла души? Что въ земной

дѣйствительности душа никогда не существуетъ въ отдѣльности отъ тѣла,—это еще не доказываетъ того, что они поэтому неотдѣлимы другъ отъ друга. Для доказательства разрушимости души необходимо прослѣдить за смертью черезъ всю вселенную и рѣшительно удостовѣрить отсутствіе какого-либо духа на всемъ протяженіи, въ любой точкѣ, но этого сдѣлать никогда не могла и никогда не въ состояніи будетъ наука. И если бы это удалось сдѣлать съ однимъ или съ цѣлымъ милліономъ тѣлъ, то изъ этого еще не проистекаетъ необходимости—добытый результатъ прилагать къ другимъ милліонамъ. Слѣдовательно, если подобные упомянутымъ трезвые ученые, столь выдающіеся въ своихъ научныхъ областяхъ, выводятъ ложныя заключенія за границами послѣднихъ, категорически высказываясь противъ безсмертія души, то они нарушаютъ всѣ правила своей собственной науки и обнаруживаютъ догматизмъ, легковѣріе, предубѣжденіе и ложную индукцію въ значительно бо̀льшей степени, нежели самый консервативный христіанинъ. Законныя претензіи естествознанія могутъ состоять только въ томъ, что здѣсь, на землѣ, сознаніе никогда не существуетъ въ отдѣльности отъ мозга; что же касается посмертнаго бытія сознанія въ отрѣшенности отъ мозга, то наука по этому вопросу абсолютно ничего сказать не можетъ. Здѣсь умѣстно сослаться на извѣстный аргументъ Бо̀тлера, что все, теперь существующее, имѣетъ въ свою пользу, по крайней мѣрѣ, гаданіе насчетъ непрерывнаго существованія, исключая возможности доказать бытіе чего-то такого, чѣмъ необходимо пресѣкалось бы это существованіе. Если нельзя доказать, что со смертью уничтожается душа, то уже самый фактъ существованія души теперь дѣлаетъ вѣроятнымъ продолженіе такого существованія и за гробомъ. Подобно тому, какъ фактъ однообразія природы, регулярности восхода и заката солнца, временъ посѣва и жатвы, морского прилива и отлива дѣлаетъ вѣроятнымъ продолженіе этихъ явленій и впредь, такъ и фактомъ существованія души оправдывается ожиданіе продолженія послѣдняго и по смерти, пока не будетъ доказано, что смерть есть уничтоженіе души. Но доказать, что смерть означаетъ собою разрушеніе души, можно или исходя изъ природы самой смерти, или отъ аналогіи. Не зная, однако, что такое представляетъ собою сама смерть, нельзя выводить заключенія о разрушеніи души на основаніи природы смерти; и, не имѣя возможности знать, что происходитъ съ животными

по смерти, мы опять не въ состояніи, по аналогіи, утверждать уничтоженіе души. Вслѣдствіе этого остается мѣсто для предположенія, опирающагося на фактъ теперешняго существованія души и отсутствія причинъ къ его прекращенію, что для души откроется загробное бытіе. Если бы, даже, кто нибудь сталъ утверждать, что Бога нѣтъ и, слѣдовательно, люди смертны, то онъ оказался бы иллогичнымъ съ его же точки зрѣнія, потому что, если мы существовали нѣкогда безъ Бога, то въ правѣ предполагать, по крайней мѣрѣ, что и впредь будемъ существовать безъ Него. Въ концѣ концовъ, даже самый крайній взглядъ атеистическаго матеріалиста можетъ логически привести послѣдняго къ агностицизму, по которому ничего доказать невозможно; за то земное существованіе благопріятствуетъ мнѣнію о продолженіи его и не лишаетъ человѣка надежды на лучшій міръ [1]).

Весьма многіе факты свидѣтельствуютъ о томъ, что наша душа, а не матерія мозга является госпожой положенія. Здѣсь обыкновенно выступало съ своимъ неумолимымъ приговоромъ то направленіе въ философіи и естествознаніи, по которому всякое познаніе является результатомъ чувственности; что всѣ поразительныя проявленія человѣческаго интеллекта представляютъ собою только результатъ дѣйствія глазъ, ушей, носа, языка и рукъ; что нѣтъ ничего въ интеллектѣ, чего напередъ не было бы въ чувствахъ. Лейбницъ отвѣчалъ на это: поистинѣ, нѣтъ ничего въ интеллектѣ, чего не было бы напередъ въ чувствахъ, исключая самый интеллектъ. Какъ же доказать это? Доказательство продолжилъ Кантъ. По его мнѣнію, человѣческая душа надѣлена способностями, законами и условіями, предшествующими чувственному воспріятію, такъ что, возбужденная впечатлѣніями отъ внѣшнихъ предметовъ, она затѣмъ раскрываетъ таящіяся въ ней силы, употребляя и воспитывая чувства и, такимъ образомъ, производя знаніе, тогда какъ одни чувства оказываются въ совершенно безпомощномъ положеніи безъ сокровенныхъ силъ сознанія, лежащаго въ основѣ пріобрѣтенія всякаго знанія.

Тѣмъ не менѣе у каждаго раждается вопросъ: какъ можетъ мыслить душа безъ своего орудія—мозга? На какой основѣ

[1]) Развитіе и обоснованіе идеи самостоятельности душевной жизни человѣка см. въ докторской диссертаціи о. *Е. П. Аквилонова* О физико-телеологическомъ доказательствѣ бытія Божія (Спб. 1905), стр. 125 сл.

будетъ дѣйствовать сознаніе по разлученіи съ мозговой матеріей? Единственный способъ проявленія человѣческой мысли здѣсь, на землѣ,—тотъ, что душа имѣетъ свои органы въ мозгу, въ нервахъ и мускулахъ. Что будетъ служить ей «медіумомъ», ея орудіемъ по разлученіи съ тѣлеснымъ организмомъ? Или, какъ выражались современные ап. Павлу совопросники (I Кор. XV, 35), «коимъ же тѣломъ пріидутъ»?

Апостолу Павлу этотъ вопросъ представлялся безуміемъ, ибо нелѣпо думать, что можетъ полагаться предѣлъ Божію всемогуществу, или что Богъ не въ состояніи дать тѣло душѣ, какъ это будетъ Ему благоугодно,—подобно тому, какъ Онъ сотворилъ различно организованныя существа для жизни въ противоположныхъ, повидимому, средахъ, каковы вода, земля и воздухъ, при чемъ пространство является въ видѣ дифферентныхъ формъ по отношенію къ матеріи. И подобно тому, какъ вновь прорастающее изъ гніенія пшеничное зерно обнаруживаетъ жизнь, раждающуюся по смерти, тождество—при цѣломъ рядѣ перемѣнъ, такъ и динамическая энергія сознанія переживетъ тѣлесную смерть и сохранитъ свой типъ въ прославленной формѣ.

Нашъ испытующій разумъ не долженъ только предаваться пагубному сомнѣнію въ Божіемъ всемогуществѣ, встрѣчаясь съ необычною проблеммой насчетъ возможности безтѣлеснаго сознанія, по дѣйствію этого всемогущества. Очевидно, мы пока не въ состояніи постичь свойства той духовной сферы, въ которую сами еще не вошли, и которая совершенно непохожа на ту, которую мы опытно познали. Однако, кое-что и намъ доступно изъ этой отдаленной сферы. Въ продолженіе своего тѣлеснаго пребыванія сознаніе можетъ содержать въ себѣ нераскрывшіяся силы и способности, благодаря которымъ оно оказывается готовымъ къ посмертному существованію безъ употребленія органовъ чувствъ. Затѣмъ, сознаніе можетъ быть облечено духовнымъ тѣломъ, о которомъ пишетъ ап. Павелъ, земное же наше тѣло является только хранилищемъ динамической силы, и, такимъ образомъ, тѣло духовное служитъ орудіемъ для выраженія сознанія въ загробномъ мірѣ. Всякій организмъ, по словамъ Джозефа Кука, образуется жизненнымъ принципомъ, существующимъ прежде самаго организма, и, слѣдовательно, можетъ существовать такъ же и по смерти послѣдняго, воспроизводя организмъ самъ для себя, подобно тому, какъ падающій съ дерева плодъ уноситъ въ себѣ самомъ зерно,

заключающее организмъ будущаго дерева. А что динамическая сила нашей духовной жизни, дѣйствительно, переживетъ тѣло и воспроизведетъ соотвѣтствующій себѣ организмъ,—это станетъ въ высшей степени вѣроятнымъ, когда мы взглянемъ на дѣло съ чисто нравственной точки зрѣнія и въ связи съ Верховнымъ Устроителемъ нравственнаго міропорядка. Если, потомъ, мы обратимся къ нашему основному различенію и обратимъ вниманіе на то, что сознаніе не есть произведеніе мозга, но заправляетъ послѣднимъ, то склонимся въ пользу той мысли, что оно можетъ имѣть скрытыя для своего существованія силы и въ своемъ трансцендентальномъ существованіи можетъ употреблять. въ качествѣ служебнаго орудія, новое духовное тѣло.

Скажутъ, пожалуй: «все это таинственно»! Несомнѣнно, только не больше, по сравненію съ общепринятыми положеніями современнаго естествознанія, каковы, напр., гипотезы притяженія, атомовъ, энергіи, вибраціи и клѣточекъ. Если атомъ содія можетъ пережить разложеніе соли, воды, хлѣба, пищеваренія, ассимиляціи, циркуляціи, и при томъ еще сохранить въ неповрежденности каждое изъ принадлежащихъ ему свойствъ, то почему же это не простереть и на жизненно-динамическую способность сознанія? Если самый незначительный кусочекъ мускуса въ состояніи выдѣлять изъ себя частицы, которыхъ достаточно для наполненія довольно большого пространства въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, безъ уменьшенія, при этомъ, своего вѣса хотя бы въ самой незначительной степени, то почему же наша душа не можетъ продолжать существованіе въ открывшейся предъ нею пустотѣ? Наступающая по смерти перемѣна представляется ли болѣе значительной по сравненію съ разложеніемъ воды, при которомъ она перестаетъ быть вкусною, освѣжающею, искрящеюся жидкостью и обращается въ воспламеняющійся, вредный и невидимый газъ и въ твердое, соединенное съ желѣзомъ, тѣло? И, однако, ни одинъ изъ перечисленныхъ элементовъ не уничтожается. Ученые естествовѣды утверждаютъ непрерывное существованіе субстанцій, не смотря на представляющееся чувствамъ совершенное ихъ уничтоженіе. Если химикъ можетъ взять серебряную чашу, погрузить ее въ азотную кислоту и сдѣлать такъ, что она совсѣмъ исчезнетъ, а затѣмъ введеніемъ мѣди осадить серебро на дно, извлечь, расплавить, отлить его и возвратить вамъ назадъ ту же чашу безъ малѣйшаго въ ней измѣненія, то что

же невѣроятнаго въ томъ утвержденіи, по которому Великій Химикъ вселенной можетъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, то же самое? Когда вы входите въ темную комнату, въ которой лучъ свѣта падаетъ на черное пятно,—вамъ ничего не видно. Станете ли вы, по этому, утверждать, что въ комнатѣ совсѣмъ нѣтъ свѣта? Въ такомъ случаѣ положите апельсинъ на линіи свѣта,—и комната въ тотъ же моментъ сдѣлается желтою, а это значитъ, что свѣтъ находился въ комнатѣ, не смотря на невоспріимчивость къ нему нашего зрѣнія. Подобнымъ же образомъ фотографическая пластинка открываетъ звѣзды, недоступныя зрительному воспріятію, микрофонъ—неслышимые ухомъ звуки, болометръ—неощущаемую нашей кожей чувствительность. Повсюду наука докладываетъ намъ о томъ, что сумма знаній, пріобрѣтаемыхъ нами посредствомъ нашихъ ограниченныхъ чувствъ, оказывается весьма ничтожной по сравненію съ необъятной областью, недоступною чувственному воспріятію, и что много предметовъ на небѣ и на землѣ, о которыхъ и не снилось нашимъ мудрецамъ.

Нельзя себѣ представить чего-либо болѣе опрометчиваго,—по сравненію съ невѣріемъ въ бытіе отшедшаго изъ тѣла духа, только потому, что кто-либо не въ состояніи совершенно постигнуть его, въ то время какъ мы вѣримъ въ тайны окружающей насъ вселенной и допускаемъ ихъ, не зная о нихъ ровно ничего. Съ такимъ же правомъ кто-либо могъ бы заявить, что онъ не вѣритъ въ электричество, потому что ничего не въ состояніи понять въ его реальной природѣ. Или объясните, если можете, какимъ образомъ называемыя свѣтомъ и теплотою эѳирныя волны кооперируютъ, проницаютъ и окрашиваютъ твердыя тѣла, жидкости и газы, или проходятъ сквозь толщу тяжеловѣснымъ субстанцій, для нихъ какъ бы несуществующихъ, или, въ качествѣ молніеносныхъ вѣстниковъ, стремительно несутся вокругъ земного шара? Рѣшительно непостижимо, что каждый фіолетовый лучъ состоитъ изъ шести сотъ девяносто девяти биллліоновъ колебаній въ секунду, и что каждый свѣтовой лучъ пересѣкаетъ всѣ другіе свѣтовые лучи на цѣломъ протяженіи и, все-таки, безпрепятственно устремляется по прямой линіи. Наука допускаетъ и большее: часто она принимаетъ явныя и необъяснимыя противорѣчія. Кислоты, щелочная соль и вода, какъ извѣстно, имѣютъ близкое химическое сродство, сильное взаимное притяженіе, почему и стремятся, въ случаѣ ихъ соединенія, къ совмѣстной комбинаціи.

Однако, посредствомъ гальваническаго электричества и асбеста, химикъ можетъ сдѣлать чашу изъ алкали и другую—изъ акида, мѣняетъ ихъ положенія, при чемъ та и другая перекрещиваютъ поставленную между ними чашу воды; всѣ три субстанціи находятся въ постоянномъ контактѣ и, тѣмъ не менѣе, не образуютъ никакой комбинаціи. Столь поразительное противорѣчіе, какъ этотъ перерывъ химическаго сродства, является неразрѣшимой загадкой. Или, далѣе, объясните тайну недавно открытаго элемента—радія, испускающаго теплоту и проницающій свѣтъ безъ сгоранія, безъ истощенія или какого-либо химическаго измѣненія. Краеугольнымъ камнемъ современнаго естествознанія служитъ законъ, по которому ничто не совершается безъ затраты требуемаго количества энергіи,—и вотъ предъ нами оказывается субстанція, постоянно порождающая свѣтъ и теплоту, непрерывно выпускающая цѣлый потокъ матеріальныхъ частицъ, безъ воспособленія со стороны какого-либо внѣшняго источника энергіи. Однако физики принимаютъ, экспериментируютъ и утилизируютъ это явное противорѣчіе ихъ законамъ, будучи рѣшительно не въ силахъ объяснить такую тайну. Затѣмъ, посредствомъ прибавленія кислотъ, безцвѣтная жидкость можетъ измѣниться въ темную, видоизмѣниться въ прозрачную; но какъ избирательное сродство въ кислотахъ, металлахъ и щелочахъ производитъ попеременно поглощеніе и передачу свѣта,—для насъ это остается совершенно непостижимымъ. Или кто можетъ объяснить, какимъ образомъ каждый кусокъ большого магнита, разбитаго на тысячи частей, самъ становится малымъ магнитомъ, имѣющимъ два полюса, подымающимъ свою собственную тяжесть, притягивающимъ желѣзо, не смотря на промежуточныя тѣла, сообщающимъ свою силу, безъ умаленія ея, при соприкосновеніи съ желѣзными предметами, и, когда бываетъ повѣшенъ, берущимъ такое же направленіе, какое указывается другими частицами? Кто можетъ объяснить тайны притяженія, процессы питанія и роста животнаго и растительнаго царства, дѣятельность органовъ чувствъ, способъ перцепціи или происхожденіе жизни? Несомнѣнный прогрессъ знанія въ отношеніи неразрушимости атомовъ, эквивалента и соотношенія силъ, повидимому, является пережиткомъ сознанія въ соотвѣтствіи съ сокровенными тайнами природы.

Еще изъ временъ сѣдой древности наука утверждала, что человѣческій умъ долженъ смотрѣть на міръ сквозь призму

явленій. Земля представляется наблюдателю плоской; солнце кажется вращающимся вокругъ земли; и въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ люди довѣряли непосредственному впечатлѣнію. Но разсудокъ восторжествовалъ, въ концѣ концовъ, надъ чувствомъ и чрезъ видимость дошелъ до реальности. Смерть представляется окончаніемъ всего; однако посредствомъ тысячи указаній разумъ научаетъ смотрѣть сквозь самую смерть и за предѣлами гроба созерцать вѣчную жизнь. Если, теперь, мы допускаемъ тайны одинаково поразительныя въ окружающей насъ физической природѣ, то почему же мы станемъ медлить признаніемъ посмертнаго бытія, на основаніи тысячи предуказаній, ссылаясь только на непостижимость его нашему пониманію? «Существуетъ философія», пишетъ Викторъ Гюго, «отрицающая безконечное. Есть еще и такая, по ученію которой нѣтъ грѣха; имя такой философіи—ослѣпленіе. Недостаточность нашихъ чувствъ считать за источникъ истины представляетъ собою несомнѣнное доказательство человѣческой слѣпоты».

Второй сильный аргументъ, представляемый наукой въ пользу самостоятельнаго существованія души послѣ разрушенія мозговой субстанціи, происходитъ изъ постепеннаго открытія закона *эволюціи*. На первый взглядъ этотъ необъятный процессъ универса представлялся свидѣтельствомъ противъ безсмертія. Когда человѣчество открыло, что вселенная, какъ она существуетъ теперь, яко бы произошла не сразу, а образовывалась постепенно въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ, что планеты произошли изъ туманной матеріи, всѣ живые организмы, включая сюда и человѣка,—изъ немногихъ примитивныхъ жизненныхъ формъ, или отъ одной, съ модификаціей или варіаціей, посредствомъ борьбы за существованіе, естественнаго подбора и побѣды сильныхъ надъ слабыми,—оно тревожно спрашивало себя: гдѣ же здѣсь мѣсто для души? Человѣкъ представляетъ собою не больше, какъ только развитое, благодаря естественному подбору, животное! Но болѣе основательная наука открыла мѣсто для души. Не входя въ обсужденіе сомнительныхъ эволюціонныхъ предположеній, остановимся лишь на томъ, что прямо относится къ предмету нашей рѣчи.

По прежнему взгляду на эволюцію, человѣкъ произошелъ путемъ послѣдней; теперь нашли болѣе правильнымъ обратное выраженіе, что самая *эволюція произошла отъ человѣка*, т. е., что объектомъ, намѣреніемъ, цѣлью необъятной схемы

съ самаго начала служило совершенствованіе человѣчества: какъ для монумента предварительно воздвигается основа, такъ и эволюція произошла для человѣка, какъ ея вѣнца и завершенія. Слѣдуя, шагъ за шагомъ, по пути эволюціи, мы видимъ, что ея система состояла въ прогрессивномъ развитіи къ достиженію болѣе и болѣе высокихъ формъ жизни, съ сохраненіемъ всего прошлаго совершенства и съ постепеннымъ пріобрѣтеніемъ еще бо́льшаго, посредствомъ восхожденія чрезъ неорганическое и органическое къ духовной жизни и къ сознанію, до высшей точки развитія въ человѣкѣ. Такой же самый процессъ, затѣмъ, продолжается и въ человѣкѣ, устремляясь къ самому высокому въ послѣднемъ, чѣмъ отличается человѣкъ отъ другихъ тварей, т. е., своей разумной и нравственной природой. Душевная эволюція постепенно проявляется въ тождествѣ самосознанія, въ умѣ, въ пониманіи, въ сознаніи свободы и нравственной отвѣтственности, включительно до высшей эволюціонной стадіи—въ чувствахъ симпатіи, любви и самопожертвованія. Въ чемъ же состоитъ завершительная цѣль этого процесса? Только ли въ развитіи рода человѣческаго? Въ томъ ли, что каждое поколѣніе подымается на высшую ступень умственнаго и нравственнаго развитія? Несомнѣнно, что это такъ, но не все, потому что, по научнымъ же даннымъ, земля со всею своей цивилизаціей исчезнетъ, и, если конечною цѣлью эволюціи служило только развитіе человѣчества, то процессъ, обнаруживавшій на всѣхъ стадіяхъ своего развитія столько логическаго порядка и разума, внезапно завершился бы ничтожествомъ. Отсюда ясно видно, что объектомъ разсматриваемаго процесса служитъ развитіе высшихъ способностей въ человѣкѣ, его духовное усовершенствованіе. Такъ, восходящая отъ эгоистической дикости до героическаго самопожертвованія, человѣческая эволюція свидѣтельствуетъ о томъ, что земной міръ служитъ только первымъ этапомъ на пути къ высочайшему совершенству. Здѣсь-то, именно, происходитъ соглашеніе вѣры съ знаніемъ. Наука настойчиво утверждаетъ, что конечная цѣль жизни состоитъ въ духовномъ усовершенствованіи человѣка; однако, не взирая на свои старанія, она не въ силахъ достигнуть искомаго идеала. На этой стадіи въ помощь наукѣ приходитъ религія и поставляетъ человѣка въ соотношеніе съ духовными реальностями, вдохновляющими, руководящими и помогающими ему въ стремленіи къ этому идеалу. Наука приводитъ человѣка только къ по-

допѣ Гималаевъ, показываетъ ему тропу и снѣжныя вершины, возвышающіяся въ небесномъ эонрѣ надъ плавающими облаками; но у нея не достаетъ силъ вести его въ далекую высь, и,—безпомощная,—она падаетъ въ изнеможеніи. Въ это время за его руку берется религія, возноситъ его вверхъ, поддерживаетъ и ведетъ такъ, чтобы онъ могъ продолжать крутой подъемъ сквозь облака смерти, къ той блаженной цѣли, которую видѣла, но была не въ силахъ достигнуть сама наука. Таковъ единый процессъ человѣческой эволюціи, производимой сотрудничествомъ вѣры съ знаніемъ, въ направленіи къ цѣли высшаго совершенства.

Разсматривая въ цѣломъ этотъ телеологическій процессъ, разумно ли допустить возможность, что онъ совершенно рушится, уничтожится и, въ концѣ концовъ, завершится безсмысленнымъ хаосомъ? Можетъ ли человѣческій разумъ, хоть на мгновеніе, допустить мысль, что цѣлый универсъ,—если стать на точку зрѣнія эволюціонной теоріи,—мучительно трудился и пережилъ столько ужасныхъ катаклизмъ лишь затѣмъ, чтобы, предоставивъ вѣнцу творенія—человѣку восемь или девять десятилѣтій жизни, при совершенной невозможности осуществить свой идеалъ, въ концѣ концовъ низвергнуть его въ бездну безсмысленнаго небытія? Если невѣроятной представляется мысль о какомъ-либо знаменитомъ ваятелѣ, неутомимо трудившемся надъ художественнымъ произведеніемъ, не взирая на нищету и всякія лишенія, только бы довести его до конца, и, наконецъ, достигнувшемъ цѣли, но только затѣмъ, чтобы въ одно мгновеніе разбить въ куски плоды долголѣтняго труда, терпѣнія и жертвъ; то во сколько же болѣе невѣроятною является мысль о Творцѣ, создавшемъ совершеннѣйшее изъ существъ—человѣка съ тою единственною цѣлью, чтобы въ одинъ несчастный день низвергнуть его въ бездну небытія?!. «Захотите ли вы», спрашиваетъ Эмерсонъ, «приложеніемъ неусыпныхъ заботъ и трудовъ произвести изъ воспитываемыхъ вами дѣтей образцы совершенства и, затѣмъ, вдругъ разстрѣлять ихъ?» Такимъ образомъ, неисчислимое множество понесенныхъ цѣлою системою трудовъ служитъ залогомъ посмертнаго существованія человѣка.

Итакъ, непререкаемый *законъ эволюціи состоитъ въ сохраненіи превосходнѣйшаго.* Но высшимъ и предпочтительнѣйшимъ, по сравненію съ цѣлымъ твореніемъ, произведеніемъ является моральная природа человѣка. Какимъ же, спрашивается, образомъ этотъ законъ оказался бы безсильнымъ въ

отношеніи къ самому драгоцѣнному произведенію вселенной? Неужели послѣдняя такъ ревниво и въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ сохраняла свои превосходныя произведенія только для того, чтобы съ необыкновенно-преступнымъ легкомысліемъ разбить вдребезги это высочайшее произведеніе? Однако, кто-нибудь возразитъ: существованіе добродѣтели обезпечивается преемствомъ поколѣній, и человѣкъ, такимъ образомъ, уже на землѣ получаетъ безсмертіе, совершенно не имѣя нужды въ духовномъ. Ошибочность такого возраженія обнаруживается, даже, при самомъ бѣгломъ взглядѣ на жизнь вселенной, какъ цѣлаго, потому что, согласно съ научными данными, всѣ обитатели земной планеты умрутъ, съ теченіемъ времени, а универсъ уничтожится. Что же представитъ собой реальная жатва? Да ничего! Вѣроятно ли, что затраченный универсомъ титанический трудъ продолжался цѣлыя тысячелѣтія только ради уничтоженія?

Вотъ еще другой методъ превращенія доказательства. Объектомъ эволюціи, какъ мы уже видѣли, служитъ совершенствованіе человѣка,—отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ. Но ограниченность нашихъ физическихъ организмовъ и среды дѣлаютъ недостижимымъ полное усовершеніе здѣсь, на землѣ. Къ послѣднему можно только въ нѣкоторой степени приближаться, но никогда вполнѣ не достигать его. Слѣдовательно, завершеніемъ этого процесса указывается на загробное бытіе индивидуумовъ и обществъ. Въ противномъ случаѣ, повидимому, раціональная, на пространствѣ цѣлыхъ тысячелѣтій, система окажется совершенно—несостоятельной въ своемъ кульминаціонномъ пунктѣ, потому что одно изъ двухъ: *или человѣкъ безсмертенъ, или универсъ-сплошная ошибка.* По тѣлу человѣкъ близокъ къ совершенству, но умственныя и нравственныя потенціи его находятся только въ процессѣ. Если бы эволюція завершалась здѣсь, то мы имѣли бы готовый фундаментъ съ отстроеннымъ только наполовину храмомъ. Если человѣкъ уничтожается по смерти, то онъ является роковою ошибкой творенія. Цѣлый процессъ оказывается только вѣковымъ произрастаніемъ, не достигающимъ поры расцвѣта. «При отрицаніи безсмертія души», говоритъ Ле-Контъ, «этотъ прекрасный космосъ, развивавшійся въ возрастающей красѣ цѣлые милліоны лѣтъ,—въ случаѣ, если бы его эволюція завершилась, и все минуло бы безслѣдно,—оказался, какъ бы никогда не существовавшимъ,—пустой мечтой, безсмысленной и ничего не значащей сказкой».

Итакъ, нѣтъ никакого посредства между двумя альтернативами: или эволюція (какъ безсмысленная) должна пріостановиться, или мы должны жить по смерти. Длинный рядъ минувшихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ развертывалось богатѣйшее разнообразіе жизни, служитъ залогомъ ея дальнѣйшаго продолженія. Слѣдовательно, въ безсмертіи мы должны достигать возможнаго для насъ совершенства. Намъ остается избрать одно изъ двухъ: или безсмысленный универсъ хаотическаго бытія, безъ порядка и цѣли, или прогрессивно-гармоническое развитіе, стремящееся, посредствомъ безсмертія, къ достиженію высочайшей цѣли. Все знаніе построяется на убѣжденіи, по которому вселенная представляетъ собою порядокъ, выраженіе творческаго разума. Предположеніе о твореніи, какъ только о безсмысленномъ хаосѣ, было бы роковымъ для науки. Но если твореніе мыслится, какъ выраженіе логически разумнаго порядка, проходящаго въ теченіе всего космическаго процесса, то безумно думать, что онъ исчезнетъ въ завершительной стадіи послѣдняго. Разумный порядокъ цѣлаго универса, такимъ образомъ, содержитъ въ себѣ истину безсмертія души. «Высшее благо практически», по словамъ Канта, «является возможнымъ только подъ условіемъ безсмертія души».

II.

Предсказанія философіи.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ философія покрываетъ всѣ три отдѣла человѣческой мысли, потому что «любовь къ мудрости» означаетъ, вообще, организованную сумму всѣхъ высшихъ истинъ, совершенное знаніе человѣческихъ дѣлъ, всеобъемлющій синтезъ человѣка въ отношеніи къ универсу. Впрочемъ, существуютъ извѣстныя области метафизики, психологіи, логики и спекулятивнаго знанія, представляющія собой отдѣльныя научныя отрасли. Каковы же нѣкоторыя предсказанія о безсмертіи, происходящія изъ этого обширнаго царства науки? Что можетъ сказать философія въ подтвержденіе вѣры въ загробную жизнь?

На первомъ мѣстѣ стоитъ доказательство, опирающееся на *всеобщность этой вѣры*. Всѣ люди, за немногими исключеніями, на всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена вѣровали въ будущую жизнь. Это убѣжденіе столь же древне и общераспро-

странно, какъ и родъ человѣческій, произвольно, независимо и сильно, даже, и въ томъ случаѣ, когда не происходитъ изъ Откровенія, преданія или авторитета. По словамъ Цицерона, оно относится къ разряду тѣхъ великихъ истинъ, которыя раждаются вмѣстѣ съ нами. Оно не является, какъ нѣкоторые полагаютъ, результатомъ вѣры первобытнаго человѣка въ сновидѣнія и въ духовъ, а скорѣе эти послѣднія происходятъ изъ неодолимаго самоутвержденія сознанія, которое не могло не чувствовать себя продолжающимъ загробное бытіе. Больше того, значительно различающіяся между собою идеалы загробнаго міра, начиная отъ грубо-чувственныхъ представленій до парадиза, отъ Валгаллы до Нирваны, свидѣтельствуютъ о томъ, что эта вѣра не заимствовалась однимъ народомъ у другого, а раждалась независимо и самобытно въ каждомъ народѣ, по всему земному шару. Представленія о посмертномъ существованіи различаются между собою въ томъ или другомъ отношеніяхъ, но вполнѣ согласны въ самомъ фактѣ, удостовѣряя, что они являются глубокимъ инстинктивнымъ убѣжденіемъ, насажденнымъ Самимъ Творцомъ въ сердцѣ каждаго человѣка. Слѣдовательно, тотъ фактъ, что только съ теченіемъ времени, съ развитіемъ своего самосознанія, люди стали доискиваться разумныхъ доказательствъ вѣры въ безсмертіе, свидѣтельствуетъ не противъ, а, наоборотъ, въ защиту этой вѣры, и показываетъ только то, что прежде они не имѣли въ томъ большой нужды, но самая вѣра была ихъ оригинальнымъ инстинктомъ.

Нѣкоторые мыслители отвергаютъ этотъ, основывающійся на всеобщности вѣры, аргументъ только потому, что не постарались хорошенько разсмотрѣть его отличительныя особенности. Дѣйствительно, всеобщность сама по себѣ еще не служитъ доказательствомъ, потому что всѣмъ хорошо извѣстно, что люди временами вѣровали въ несомнѣнно ложное, какъ, напр., въ то, что земля представляетъ собою плоскость, въ обращеніе солнца вокругъ земли. Сама по себѣ древность—еще не доказательство, потому что и суевѣрія такъ же древни. Но, когда послѣднія пережили цѣлые вѣка, то этотъ фактъ обусловливался не лживостью ихъ, а зерномъ содержавшейся въ нихъ истины. Однако, различіе двухъ видовъ этого аргумента сводится къ слѣдующему: въ томъ случаѣ, когда универсальная вѣра основана на заблужденіи, съ теченіемъ времени она или отвергается, или видоизмѣняется, тогда какъ *эта вѣра въ безсмертіе никогда не измѣнялась по существу*,

начиная съ незапамятныхъ временъ, а только прогрессировала, развивалась, укрѣплялась, непрерывно возвышалась и очищалась, по мѣрѣ преуспѣянія рода человѣческаго, достигнувъ своего зенита у высшихъ народовъ и, среди этихъ послѣднихъ, у лучшихъ и мудрѣйшихъ изъ ихъ представителей. Мало того, вѣра въ безсмертіе могущественно содѣйствовала человѣческому прогрессу, являясь однимъ изъ сильнѣйшихъ факторовъ моральнаго развитія личности, лежащимъ въ основѣ ея высочайшей цѣнности, неприкосновенности жизни, и достиженія ею своего кульминаціоннаго пункта въ безбрежной вѣчности. Можно ли, въ виду этого, думать, что такое неодолимое инстинктивное сознаніе, существующее независимо и повсюду, во всей человѣческой семьѣ, начиная съ незапамятныхъ временъ, непрерывно очищавшееся отъ примѣси всякой неправды и возраставшее въ силѣ, выражающее чаянія *всего рода человѣческаго*,—можно ли допустить, что оно не имѣетъ подъ собой реальной основы? Неужели цѣлый родъ человѣческій, съ самаго начала своего существованія и до настоящаго времени, оказывается обманувшимся въ одномъ изъ самыхъ оригинальныхъ своихъ инстинктовъ, послѣ того какъ онъ же сдѣлалъ столь поразительные успѣхи во всѣхъ другихъ областяхъ жизни и знанія? Эта всеобщность вѣры въ безсмертіе, открывшейся на самой ранней зарѣ историческаго бытія человѣчества, укрѣпленная и возвышенная посредствомъ прогресса, получаетъ необыкновенно-важное значеніе въ глазахъ каждаго мыслящаго человѣка, служа выраженіемъ заключеннаго внутри насъ залога безсмертія.

Затѣмъ, опредѣлимъ цѣну подвергавшагося часто оспариванію доказательства по *аналогіи*. Безспорно, что аналогія не можетъ привести къ логическому заключенію, пока не показано, что духовная область соотвѣтствуетъ законамъ физической. Аргументировать отъ одной къ другой можно только на основѣ дознанной ихъ гармоніи. Но если существуетъ Творецъ вселенной, то не является ли болѣе вѣроятнымъ и болѣе естественнымъ предположеніе, что Ему было угодно создать двѣ половины, составляющія единое гармоническое цѣлое, нежели другое, по которому Онъ сотворилъ ихъ находящимися въ постоянномъ конфликтѣ и противорѣчіи? Не представляется ли болѣе разумнымъ мыслить, что Онъ восхотѣлъ создать непрерывность между матеріальнымъ и духовнымъ міромъ, съ необъятнымъ круговращеніемъ силъ, распространяющихся по

обѣимъ гемисферамъ, нежели допустить противоположное, что законами и порядками одной уничтожаются законы и порядки другой? Несомнѣнно, что также невозможно отъ чисто-физическаго явленія аргументировать къ физико-спиритуальной перемѣнѣ, какъ, напр., отъ превращенія гусеницы въ бабочку—къ безтѣлесному существованію души послѣ смерти, потому что въ первомъ случаѣ предъ нами одно физическое измѣненіе, между тѣмъ какъ въ другомъ—переходъ отъ физическаго къ духовному. Однако, въ качествѣ примѣровъ, намековъ, указаній и предсказаній, поразительныя аналогіи естественной жизни послѣ видимой смерти послужатъ, во всякомъ случаѣ, апелляціей къ человѣческому уму и сердцу и однимъ изъ тѣхъ добавочныхъ фактовъ, совокупностью которыхъ усиливается доказательное значеніе множества другихъ предсказаній.

Цѣлымъ процессомъ своей жизни природа ясно учитъ о продолженіи существованія подъ иной формой, въ новой сферѣ. Повсюду мы видимъ трансформаціи той же самой жизни, продолжающейся при значительно отличныхъ условіяхъ. Наблюдая за появленіемъ жука изъ навозной кучи, древній египтянинъ видѣлъ въ этомъ процессѣ указаніе на будущую жизнь, почему и помѣстилъ такого пріятнаго вѣстника въ храмъ, въ качествѣ эмблемы человѣка, имѣющаго нѣкогда выйти изъ могилы для продолженія своего существованія. Такая же мысль рождается и въ насъ при наблюденіи за мертвой—повидимому—улиткой, медленно роняющей свое старое липовище и выползающей на свѣтъ съ обновленной жизнью; или когда мы видимъ птицу, появляющуюся изъ разбитаго ея же клювомъ яйца, и сравнимъ находящагося въ послѣднемъ орда съ возлетающимъ къ солнцу орломъ, или пустѣвающее сѣмя—пробивающимся къ свѣту въ видѣ зеленѣющей былинки, или когда привѣтствуемъ весну, пробуждающуюся отъ ледяной смерти, головастика, дышащаго жабрами въ водѣ, однако постепенно приготовляющагося къ обитанію въ иной сферѣ и къ дыханію съ помощью легкихъ; или когда смотримъ на шелковичнаго червя, какъ онъ постепенно обвивается смертнымъ покровомъ кокона только для того, чтобы потомъ выйти изъ него въ видѣ красивой бабочки, весело и свободно порхающей въ воздушномъ пространствѣ. Какъ можно видѣть эти постоянныя трансформаціи, признавать повсюду важный законъ жизни, возникающей изъ нѣдръ самой смерти, и въ то же время не чувствовать того, что Творецъ міровъ въ этихъ при-

мѣрахъ далъ намъ залогъ также и нашего загробнаго бытія, въ согласіи съ упомянутымъ закономъ? Неужели, вполнѣ признавая метаморфозу въ безчисленныхъ случаяхъ у низшихъ тварей, кто-либо рѣшится отрицать ее по отношенію къ человѣку, вѣнцу всего сотвореннаго, вслѣдъ за печальными годами его кратковременной жизни на землѣ? Даже какая-нибудь, инкрустированная въ скалѣ, жаба, или—въ гробницахъ мумій—пшеничное зерно—сохраняются въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій. Неужели только одному человѣку суждено прожить на землѣ какихъ-нибудь восемь—девять десятковъ лѣтъ и, затѣмъ, обратиться въ чистое ничтожество?

Тотъ же самый законъ трансформаціи жизни вслѣдъ за видимой смертью, господствующій въ нижнемъ царствѣ природы, приложимъ и къ человѣку, насколько мы въ состояніи прослѣдить жизнь послѣдняго. Контрастъ между еще не родившимся младенцемъ и взрослымъ человѣкомъ, между Цезаремъ. Ньютономъ, Гёте. находящимися во чревѣ матери, и потомъ—завоевателями міра, свидѣтельствуетъ о продолженіи жизни при совершенно различныхъ обстоятельствахъ. Даже больше того:—въ эмбріологіи открытъ всеобъемлющій законъ, по которому смерть означаетъ освобожденіе отъ ограниченій и переходъ въ высшую сферу. Смерть въ эмбріологіи означаетъ просто кульминацію извѣстной стадіи существованія и рожденіе въ высшее, болѣе сложное состояніе развитія. Такъ, напримѣръ, фолликула умираетъ послѣ того, какъ переростетъ свои предѣлы, а зерно ея дѣлается овумъ; витализованное овумъ умираетъ по достиженіи зрѣлости, а его зерно становится плацентой съ зародышевымъ центромъ; умираетъ и этотъ послѣдній, при чемъ его зерно развивается на степень эмбріо; со смертью плаценты ея эмбріо появляется на свѣтъ въ видѣ живого существа. Или, логически продолжая процессъ, мы приходимъ къ выводу, что. переростающее здѣсь свои предѣлы, наше тѣло умираетъ, а его зерно, духовная сущность, возрождается въ высшую сферу. Или процессъ этотъ непрерывный, или непрерывность творческаго процесса потерпѣла внезапно иллогическое разстройство. Подобнымъ же образомъ, хотя человѣкъ непрерывно теряетъ часть своего тѣла, причемъ весь организмъ обновляется одинъ разъ въ теченіе каждыхъ семи лѣтъ, однако, при этомъ, удерживается его идентичность, по требованію всеобщаго естественнаго закона. Спрашивается, почему человѣкъ не могъ бы, посредствомъ такого же анало-

гичпаго закона, и впредь сохранить свою тождественность, когда наступитъ время разстаться съ своимъ тѣломъ, по велѣнію другого закона природы—смерти? Эту мысль арабы прекрасно выражаютъ въ своей философіи. Подобно тому, какъ тѣлесный составъ человѣка,—говорятъ они,—собирается изъ обширнаго матеріала въ природѣ, и опять возвращается къ своему источнику, при чемъ тѣло становится прахомъ, такъ и происходящій отъ Бога человѣческій духъ опять возвращается къ своему Источнику. Естественная философія выражаетъ въ приведенныхъ словахъ мысль, находящуюся въ книгѣ Екклезіастъ: «и возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ, а духъ возвратится къ Богу, Который далъ его» (12, 7). Слѣдовательно, эта устойчивость жизни, въ новыхъ формахъ и условіяхъ, распространяющаяся по всему царству природы, даетъ собою понять, что совершенно естественно ожидать такую же самую устойчивость жизни и по смерти.

Природа, однако, имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ служить только красивой иллюстраціей. Она указываетъ *принципы* и *законы*, посредствомъ которыхъ можетъ быть обезпечено вѣчное бытіе, въ случаѣ исполненія данныхъ условій. Чѣмъ болѣе сложнымъ является организмъ,—говоритъ Друммондъ,—и чѣмъ лучше онъ приспособленъ къ окружающей средѣ, тѣмъ продолжительнѣе и его жизнь. Это настолько очевидно въ природѣ, что Гербертъ Спенсеръ формулируетъ законъ, по которому, въ случаѣ нахожденія нами совершеннаго соотвѣтствія съ окружающей средой, которое продолжалось бы непрерывно, мы получили бы вѣчную жизнь. «Совершенное соотвѣтствіе было бы вѣчной жизнью. Если бы въ окружающихъ условіяхъ не происходило никакихъ перемѣнъ за исключеніемъ такихъ, какія усвоилъ самъ организмъ, и если бы онъ никогда не ошибался въ воздѣйствіи на нихъ, то тогда наступила бы вѣчная жизнь и вѣчное знаніе». Въ виду данной аналогіи, человѣку остается только состоять въ указанномъ соотвѣтствіи съ Вѣчнымъ,—и онъ исполнятъ предъявляемыя природою условія. Ибо, входя въ общеніе съ духовной силой универса, онъ обезпечилъ за собою совершенное соотвѣтствіе съ вѣчными качественностью и средой, реализуя такимъ образомъ естественныя условія вѣчнаго существованія. Посреди конечнаго быть въ единеніи съ безконечнымъ и въ каждый преходящій моментъ имѣть вѣчное существованіе,—это и означается безсмертіемъ въ религіи. Этимъ необходимымъ ограниченіемъ без-

смертіе не становится удѣломъ только немногихъ избранниковъ, если мы принимаемъ, что человѣческій духъ, въ надлежащей стадіи развитія, входитъ въ контактъ съ вѣчнымъ духомъ жизни универса, и, такимъ образомъ, родъ человѣческій получаетъ безсмертіе.

Затѣмъ, природа возвѣщаетъ тотъ законъ, по которому *ничто реально не разрушимо.* Видимое же уничтоженіе означаетъ собою только перемѣну формы. Всякія перемѣны суть только размѣны. Никто не можетъ разрушить ни одного атома. Бейте молотомъ, жгите, разрѣживайте, какъ угодно,—вы только обратите твердыя тѣла въ жидкія, жидкія — въ газообразныя, но первоначальные атомы окажутся нисколько не поврежденными. Не смотря на безчисленныя перемѣны, цѣлая сумма атомовъ и теперь остается такою же. Въ виду этого разумно ли думать, что только одни атомы сотворены переживающими теченіе временъ, а драгоцѣнная мысль, геній, духъ предназначены къ уничтоженію? Если Творецъ сохраняетъ менѣе цѣнное, то ужели Ему не угодно сохранить болѣе цѣнное? Жизнь не дороже ли одежды? Въ состояніи ли мы представить себѣ такого отца, который заботливо сохраняетъ одежду своего сына и допускаетъ его самого погибнуть въ пламени? Богъ, сохраняющій физическіе элементы, не взирая на безкопечныя ихъ измѣненія, неужели однимъ дуновеніемъ погаситъ безцѣнную душу—дыханіе устъ Своихъ? Неужели въ Его благой волѣ—опредѣлить цѣлыя тысячелѣтія для существованія солнечной системы и, послѣ краткихъ лѣтъ земной жизни, обратить въ ничтожество Свое лучшее твореніе?

Природа подтверждаетъ этотъ законъ указаніемъ на то, что въ ней *нѣтъ пустоты*, видимая же пустота оказывается носительницей имѣющаго наступить роста жизни. Какой-нибудь ничтожный кусочекъ или фрагментъ заботливо сохраняется и употребляется опять на образованіе новой формы. Неужели же самое драгоцѣнное украшеніе вселенной—разумъ, духъ, личность, и только онъ обреченъ на безвозвратную гибель? «Что въ разсужденіи своего превосходства и духа должно быть постоянною частью универса, то—по словамъ Лотце—должно продолжаться вѣчно». При видѣ бездыханнаго тѣла знаменитаго Вилапда, Гёте воскликнулъ: «разрушеніе такихъ возвышенныхъ дарованій представляется чѣмъ-то такимъ, что никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ не можетъ подлежать вопросу».—«Я не знаю ничего еще такого въ природѣ—

говоритъ Мартино (за исключеніемъ такого случая, когда кто-нибудь сообщилъ бы объ исчезновеніи солнцъ изъ звѣзднаго неба), что̀ можетъ сравняться по опустошительности съ угасаніемъ великихъ умовъ. Собранныя ими сокровища, ихъ зрѣлый талантъ, ихъ свѣтлый взглядъ, безошибочный тактъ ихъ не могутъ быть сравниваемы съ наслѣдственными инстинктами: перечисленныя качества безусловно персональны и неотъемлемы; существенныя условія будущей мощи, безполезныя для расы, и совершенныя для окончательнаго роста индивидуума. Если такому росту не суждено осуществиться, то, значитъ, самый блистательный геній лопается и исчезаетъ, какъ ночной фейерверкъ».

Сердце чувствуетъ, что это такъ же истинно въ отношеніи цѣлой личности, какъ и одного интеллекта. Стоя при гробѣ дорогого лица, сраженнаго смертью въ расцвѣтѣ лѣтъ и силъ, кто удержится отъ того, чтобы въ этотъ потрясающій и вмѣстѣ таинственный моментъ не воскликнуть, что такая чистая душа, такая небесная краса, такая нѣжная симпатія не можетъ исчезнуть въ волнахъ вѣчности? Эти чувства находятся въ столь совершенной гармоніи, въ такомъ близкомъ сродствѣ съ любвеобильнымъ сердцемъ Самого Небеснаго Отца. Такъ должно быть. Почившій непремѣнно пробудится для лучшей жизни въ надзвѣздныхъ обителяхъ.

Но, быть можетъ, наиболѣе сильное личное убѣжденіе въ безсмертіи находится въ *интроспективной психологіи*. Если безсмертіе является еще и теперь, во время земной жизни, нашимъ достояніемъ, а не пріобрѣтается только въ будущемъ, то, несомнѣнно, должны существовать нѣкоторыя указанія, склонности, предвѣстія этого безсмертія въ насъ самихъ, не смотря на нѣкоторую призрачность ихъ, по причинѣ нашихъ плотскихъ узъ. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы отыскивать доказательства внѣ, почему не взглянуть внутрь себя самихъ? Почему не поискать въ своей душѣ отраженій Самого Творца, по образу Котораго созданъ человѣкъ? Въ каждомъ здравомыслящемъ прежде всего раждается психологическое убѣжденіе, что онъ представляетъ собой нѣчто большее, по сравненію съ тѣломъ, и нѣчто особое отъ послѣдняго. «Мыслю, значитъ существую». Въ этихъ словахъ заявляетъ о себѣ инстинктивное сознаніе, по которому реальная личность—не тѣло, а духъ, который, въ качествѣ имматеріальнаго принципа, тревожится отъ разрушенія тѣла не болѣе, нежели кварти-

рантъ — перемѣной комнатъ. Эта мысль красиво выражена Веніаминомъ Франклиномъ въ его эпитафіи: «здѣсь лежитъ тѣло В. Франклина, печатника (похожее на крышки старинной книги, на которыхъ стерлись буквы и позолота), сдѣлавшееся пищей червей; однако, не совсѣмъ погибло оно, потому что (какъ онъ вѣровалъ) еще разъ явится въ новомъ и болѣе лучшемъ изданіи, исправленномъ и дополненномъ авторомъ». Еще лучше та же мысль вылилась въ прекрасныхъ стихахъ нашего Пушкина: «Нѣтъ, весь я не умру»!.. Всѣ философы признавали силу такого и другихъ внутреннихъ убѣжденій, названныхъ Декартомъ «врожденными идеями». Откуда же происходятъ онѣ? Откуда получаются эти сильныя психическія впечатлѣнія, что человѣческій духъ есть только постоялецъ въ тѣлѣ, помнящій о когда-то доставшемся ему въ удѣлъ райскомъ жилищѣ и надѣющійся, въ блаженномъ безсмертіи, на еще лучшее царство небесное? Платонъ думалъ объяснить эту загадку воспоминаніемъ души о созерцавшихся ею, до рожденія въ міръ, вѣчныхъ идеяхъ; Аристотель—изъ формативнаго интеллекта; Кантъ—изъ предшествующаго всякому опыту разсудка, въ качествѣ творца опыта. Для души, которая чувствуетъ эти врожденныя идеи сознанія, являющейся чѣмъ-то бо́льшимъ по сравненію съ организмомъ, въ которомъ обитаетъ она, безсмертіе особенно сильно заявляетъ о себѣ въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ человѣческаго духа.

Любопытнымъ доказательствомъ этой врожденной устойчивости сознанія служитъ то, что мы не въ силахъ представить себя прекратившимся существованіе по смерти. Теоретически мы, сколько угодно, можемъ представить себѣ свое уничтоженіе, но только не въ состояніи реализовать его фактъ, потому что самая робкая мысль о разрушеніи препобѣждается инстинктивнымъ чувствомъ будущей жизни. Какъ только, напримѣръ, мы попытаемся вообразить себя мертвыми, въ дѣйствительности мы представляемъ себя находящимися при своемъ погребеніи, слышащими надгробныя рѣчи и видящими все происходящее, сопровождающими печальную процессію до самой могилы, смотрящими на опускаемый гробъ и соболѣзнующими слезамъ и скорби осиротѣлыхъ родственниковъ. Никогда не можемъ мы представить себя въ состояніи абсолютнаго уничтоженія, а, наоборотъ, всегда являемся присутствующими, въ качествѣ живыхъ свидѣтелей, при своемъ бездыханномъ тѣлѣ. Главная причина смертобоязни состоитъ въ

томъ, что инстинктивно мы думаемъ о себѣ не какъ объ умершихъ, а только какъ о живущихъ въ какомъ-то безграничномъ пространствѣ.

Указанный психологическій законъ имѣетъ приложеніе также и къ другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько угодно мы можемъ думать о скончавшихся друзьяхъ, и, однако же, оказываемся рѣшительно не въ состояніи представить ихъ, въ качествѣ мыслящихъ, на-вѣки прекратившими свое бытіе. Какими смутными и неопредѣленными ни были бы наши мысли объ умершихъ,—все равно, мы представляемъ себѣ послѣднихъ не иначе, какъ только существующими. Несомнѣнно, представленіе факта еще не служитъ порукою его реальности, однако высшее умозрѣніе утверждаетъ, что *необходимость* мышленія о фактѣ является уже отображеніемъ его реальности: ибо установленный Богомъ порядокъ долженъ соотвѣтствовать тому, что абсолютно-неизбѣжно въ человѣческомъ разумѣ; въ противномъ случаѣ мы могли бы жить, какъ живемъ, въ этомъ мірѣ, посредствомъ разума и выводимыхъ изъ него заключеній. Что абсолютно-необходимо по суду чистой мысли, то должно быть реальнымъ. На основѣ этой истины постулируются Богъ и методы творенія. Теперь, если смерть, въ смыслѣ окончательнаго прекращенія всякаго мышленія, немыслима, то и такое уничтоженіе ума должно быть не реальнымъ; и если продолженіе существованія ума является абсолютно-необходимой концепціей здраваго разума, то упомянутому продолженію существованія должна соотвѣтствовать извѣстная реальность. Такъ, именно, размышлялъ Гёте въ словахъ: «для мыслящаго разума рѣшительно невозможно думать о себѣ, какъ о несуществующемъ, переставшемъ мыслить и жить; въ такой мѣрѣ каждый въ себѣ самомъ носитъ доказательство своего безсмертія и, при томъ, совершенно непроизвольно. Но какъ только человѣкъ захочетъ быть объективнымъ и выйти изъ себя, какъ только захочетъ онъ догматически обнять продолженіе своей личной жизни, съ цѣлью подкрѣпить внутреннее въ ней убѣжденіе, такъ впадаетъ въ противорѣчіе».

Къ этому присоединяется слѣдующее доказательство, по которому добродѣтельные люди, въ извѣстной стадіи своего духовнаго опыта, достигаютъ абсолютной увѣренности въ своемъ вѣчномъ единеніи съ Богомъ. Послѣдняя настолько же реальна и позитивна, какъ фактъ ихъ собственнаго существованія. Подлинно, духовный человѣкъ приходитъ къ убѣжденію, что

«онъ въ Богѣ пребываетъ, и Богъ—въ немъ» (1 Іи. 3. 24). Онъ твердо содержитъ эту истину, не взирая на тяжкія испытанія, и встрѣчаетъ смерть безъ тѣни страха и сомнѣнія. Ежедневно можно наблюдать такую внутреннюю увѣренность въ бытіи Божіемъ и въ личномъ безсмертіи, особенно сильно проявляемую людьми на смертномъ одрѣ. Оглядываясь въ глубь прожитыхъ вѣковъ, мы видимъ необъятное облако святыхъ мучениковъ, преобразователей, миссіонеровъ, запечатлѣвшихъ свою непоколебимую вѣру своими многолѣтними и, на первый взглядъ, безнадежными трудами и страшными жертвами, въ сопутствіи самыхъ жестокихъ пытокъ и добровольной борьбы съ всесильнымъ княземъ вѣка сего. Безстрашно и со славой прошли они огненныя пытки, благодаря своей твердой вѣрѣ въ то, что ихъ, всецѣло посвященная Богу, жизнь не могла и не должна была сдѣлаться добычей смерти. Нѣтъ спору, что никто не можетъ воспользоваться опытомъ другого въ качествѣ своего собственнаго доказательства; но такое свидѣтельство, въ соединеніи съ другими свидѣтельствами, несомнѣнно подкрѣпитъ нашу увѣренность въ томъ, что въ основѣ вѣры въ загробное существованіе находится нѣкоторая реальность.

Кромѣ того, изучая природу и конституцію самого разума, мы логически приходимъ къ вѣрѣ въ безсмертіе. Изумительные размѣры человѣческой способности къ неограничиваемой никакими предѣлами мысли рѣшительно противорѣчатъ идеѣ объ ея исчезновеніи послѣ сравнительно короткаго срока земной жизни. Въ физическомъ отношеніи человѣкъ является ничтожнѣйшимъ атомомъ въ необъятности вселенной. Однако даже и «самая большая звѣзда умѣщается на малой поверхности телескопа». За то взятый, какъ духъ, человѣкъ превосходитъ всю комбинированную матерію вселенной. Внутри его заложена таинственная сила, посредствомъ которой онъ можетъ, по своей волѣ, воспарять надъ временемъ и пространствомъ, открывая одинъ за другимъ цѣлые міры съ ихъ законами, взвѣшивая созвѣздія, распутывая тайны природы, завоевывая ее могущественными цивилизаціями, находясь въ отдаленныхъ сумеркахъ начала или конца временъ и не обрѣтая во всемъ универсѣ ничего, превосходящаго собственный его разумъ, за исключеніемъ его несравненнаго подобія—Безконечнаго Разума. Эта безграничная способность интеллекта состоитъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ мгновен-

нымъ прекращеніемъ его существованія. «Всѣ наши интеллектуальныя дѣйствія,—по выраженію Эмерсона,—сопровождаются чувствомъ абсолютнаго существованія». «Для меня,—говоритъ Гёте,—вѣроятное бытіе моей души доказывается идеей дѣятельности».

Кромѣ того, самая жизнь въ умственномъ, эмоціональномъ и духовномъ отношеніяхъ является несовершенной и фрагментарной. До какой высоты развитія ни подымался бы человѣкъ, никто еще не достигалъ предѣла полнаго расцвѣта своихъ способностей. Ни одинъ человѣкъ не оказывался совершенно удовлетвореннымъ со стороны своего разума, сердца или высшихъ идеаловъ. Нашъ разумъ только схватываетъ мелькающіе проблески безконечной истины, вѣчной послѣдовательности идей; лишь на поверхности ихъ скользитъ его духовный взоръ, хотя въ немъ находится ясное сознаніе своей способности—углубиться въ ихъ содержаніе, при болѣе благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ. Скорбное сердце несется къ нѣкоторой силѣ въ ожиданіи полнаго откровенія его потаенной глубины и удовлетворенія безконечнымъ стремленіямъ духа. Нравственное чувство не можетъ получить полнаго удовлетворенія коренного преобразованія всего моральнаго универса. Если жизнь не представляетъ собою самаго злого издѣвательства надъ нами какихъ-то темныхъ силъ, то мы не можемъ не простираться за предѣлы могилы въ интересахъ полнаго насыщенія своихъ нравственныхъ потребностей. Подумаемъ только о своихъ интеллектуальныхъ ограниченіяхъ. Наши способности представляютъ собою только «профетическій сегментъ» замкнутаго круга въ посмертномъ бытіи. На этой землѣ положены предѣлъ и завершеніе развитію животнаго и растительнаго царствъ. Покрываясь въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ листьями, цвѣтами и плодами, растеніе вполнѣ совершаетъ свое назначеніе, достигаетъ объекта своего творенія и предѣла своего существованія. Равно и животные организмы достигаютъ зрѣлости и затѣмъ разрушаются. Но, что касается полнаго развитія умственныхъ дарованій человѣка, то они здѣсь далеко не достигаютъ своего предѣла. Способность къ двоякаго рода идеаламъ—культуры и личности—безгранична. Каждому присуща эта удивительная сила постояннаго созерцанія болѣе высокихъ откровеній, нежели сколько онъ въ состояніи реализировать своими ограниченными способностями. Пусть старается онъ, сколько угодно, — съ каждой высшей ступени

предъ нимъ только открывается еще болѣе обширная область непознаннаго. Каждый достигнутый результатъ только еще болѣе расширяетъ его способность къ еще большему недостигнутому, и эта возрастающая способность, поэтому, служитъ предвѣстницей вѣчности. Чѣмъ болѣе учимся мы, тѣмъ сильнѣе въ насъ жажда къ увеличенію знанія, и тѣмъ большею является способность къ достиженію предположенной цѣли, такъ что смерть поражаетъ насъ въ тотъ самый моментъ, въ который мы считали себя положившими только доброе начало. Даже въ преклонномъ возрастѣ мы чувствуемъ, что нуждаемся въ другой цѣлой жизни для музыки, въ другой—для искусства, въ другой—для науки и въ другой—для исторіи; или же начертываемъ настолько широкую программу для своихъ занятій, что исполненіе ея потребовало бы цѣлую сотню лѣтъ въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи. И очень много изъ того малаго, что мы изучаемъ здѣсь, окажется безполезнымъ въ томъ случаѣ, если смерть полагаетъ всему конецъ. Мы не только полагаемъ начало, но полагаемъ начало дѣятельности лишь немногихъ своихъ способностей, каковы, напримѣръ, разсудокъ и память, потому-что психологи сообщаютъ намъ о сорока способностяхъ, остающихся въ потенціальномъ состояніи, пока мы живемъ на землѣ. Столь обширная область неразвитыхъ силъ не служитъ ли предсказаніемъ ихъ *будущаго* развитія? Нераспустившаяся почка не предуказываетъ ли на будущій цвѣтъ? Можетъ ли быть что-либо болѣе безотраднаго по сравненію съ тѣмъ, какъ возращеніе обширныхъ полей съ произросшими на нихъ завязями, изъ которыхъ вскорѣ должны распуститься роскошные цвѣты, только затѣмъ, чтобы внезапно убить ихъ морозомъ и превратить эти многообѣщавшія поля въ пространное кладбище, царство неумолимой смерти? Всѣ части творенія, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о томъ, что Создатель—въ высшей степени предусмотрительный садовникъ, чтобы срывать одни только мертвые цвѣты. Слѣдовательно, наши недоразвившіяся потенціи служатъ залогомъ ихъ будущаго развитія.

Такимъ образомъ, эмпирическая психологія открываетъ много такихъ данныхъ въ природѣ нашего духа, которыя указываютъ на вѣчность съ такою же несомнѣнностью, какъ колебанія магнитной стрѣлки свидѣтельствуютъ о присутствіи таинственной силы, устремляющей ее въ направленіи къ неизвѣстной области. Отсюда происходитъ это всеобщее чувство

постоянпаго педовольства, мучительной неудовлетворенности, благодаря которому человѣкъ никогда не бываетъ счастливъ въ настоящемъ, а ждетъ себѣ лучшаго будущаго. И все это такъ походитъ на блуждающій огонекъ, неудержимо манящій къ себѣ путника и постоянно его обманывающій. Съ достиженіемъ желаннаго предмета измѣняется только характеръ недовольства. Александръ В. покоряетъ міръ и плачетъ. Сарданапалъ восклицаетъ: «чѣмъ больше я пью, тѣмъ сильнѣе жажду». Откуда происходитъ этотъ ненасытимый душевный голодъ? Откуда раждаются эти идеалы. не осуществляемые, хотя бы на-половину, ни однимъ геніемъ, нисходящіе и плѣняющіе человѣка, обреченнаго путемъ безчисленныхъ ошибокъ на только незначительное къ нимъ приближеніе? Если бы земная жизнь представляла собою все. то въ такомъ случаѣ каждая вещь была бы приспособлена для полнаго удовлетворенія человѣческаго духа, а мы чувствовали бы себя довольными, подобно отрыгающей жвачку коровѣ. или какъ пасущаяся на злачной нивѣ овца, безъ памяти о прошломъ и безъ заботы о будущемъ. Но эта постоянная неудовлетворенность и это ненасытимое стремленіе, выраженныя въ общеизвѣстномъ изреченіи: «суета суетствій».—что это, какъ не борьба вѣчности въ самой пучинѣ временнаго? Что это, какъ не рѣшительный протестъ безсмертнаго духа, не хотящаго насыщаться какими-то «рожками» (Лк. 15, 16), но стремящагося на пиръ вѣчной жизни?

Затѣмъ, что это за мистическое настроеніе души, когда, подъ глубокимъ впечатлѣніемъ радости или печали, она подымаетъ насъ надъ земнымъ міромъ и устремляется въ направленіи къ вѣчности? Такъ, напримѣръ, какія-то тайны, какое-то стремленіе, глубина и вмѣстѣ откровеніе существуютъ одновременно въ нашей душѣ соединенными въ дивной гармоніи, отторгающей душу отъ тѣла и дающей человѣку непостижимую способность—осуществлять свое духовное предназначеніе—родственную близость съ несравненной гармоніей надземнаго міра. Въ упоеніи музыкальной мелодіей, душа артиста, подчасъ. непосредственно сознаетъ себя безсмертною; да и мы испытываемъ нѣчто подобное, хотя и въ меньшей степени, когда, въ сердечномъ порывѣ, возносимся до третьяго неба и слышимъ невыразимые звуки. Или какъ объяснить эту удивительную борьбу сердца съ какимъ-то духовнымъ существомъ въ продолженіе темной ночи, когда человѣкъ пре-

дается невыразимой печали, пока не забрежжитъ заря и въ его мятежный духъ не снизойдетъ желанный миръ? Или, какъ объяснить это, не поддающееся самому бдительному контролю, испытаніе внезапной тоски по отчизнѣ, удручающаго одиночества и упадка духа, и, затѣмъ, мгновеннаго стремленія, овладѣвающаго сердцемъ такъ внезапно, какъ моментально налетѣвшій шквалъ извлекаетъ музыку изъ дрожащихъ струнъ эоловой арфы? Откуда приходятъ эти, по-истинѣ, глубокіе моменты отгадыванія какого-то трансцендентнаго міра, какой-то высшей Сущности и реальности контакта человѣческаго духа съ Божественнымъ? Проѣзжающіе по Карибскому морю путешественники воображаютъ, что слышатъ глубоко подъ водою мелодичный звонъ колокольчиковъ, несущійся кверху съ погруженныхъ острововъ. Подобнымъ же образомъ, временами, и изъ глубины сердца несется на его поверхность особая музыка какихъ-то таинственныхъ голосовъ, невыразимою прелестью своей свидѣтельствующая о томъ, что эти звуки рождены для вѣчности. По временамъ наши эмоціи подобны морскимъ приливамъ, производимымъ притяженіемъ луны и другихъ небесныхъ тѣлъ. Въ другіе часы онѣ представляются раждающимися не одновременно съ нами, а происходящими изъ какой-то безконечной дали, носящимися надъ человѣческими душами и опять устремляющимися въ безпредѣльность. Назовите эти ощущенія, если угодно, простыми эмоціями, но испытывающее ихъ сердце непоколебимо вѣритъ въ то, что они свидѣтельствуютъ о чемъ-то большемъ, по сравненію съ земнымъ міромъ. Если довѣряютъ чувствамъ по отношенію къ реальности видимаго универса и, сообразно съ ними, устрояютъ цѣлую жизнь, то почему же не полагаться на эти глубочайшія ощущенія человѣческаго духа, подымающіяся въ немъ подобно морскому приливу, и уносящія его въ безконечность?

Взятыя въ совокупности, эти миріады деликатныхъ оттѣнковъ нашего духа образуютъ изъ себя то, что можно назвать *душевными инстинктами* безсмертія. Но извѣстно, что природа не обманываетъ инстинктовъ животныхъ. Когда рыба инстинктивно начинаетъ плавать, птица—летать, паукъ—ткать свой узоръ,—всѣ они точно исполняютъ предуказанія своей природы. Когда птицы неодолимымъ инстинктомъ чуютъ далеко находящіеся теплые края, и, затѣмъ пускаются въ долгій путь,—онѣ поступаютъ безошибочно и, благодаря вѣрному инстинкту, достигаютъ теплыхъ странъ. Неужели, столь безо-

ошибочно-вѣрная по отношенію къ инстинктамъ животнаго царства, природа окажется лживою только для высочайшаго и благороднѣйшаго инстинкта человѣческаго духа? «Не знаю какъ, говоритъ Цицеронъ,—но только въ человѣческихъ душахъ находится нѣкоторое предзнаменованіе будущей жизни, особенно глубоко коренящееся и наиболѣе распознаваемое въ геніальныхъ и возвышенныхъ натурахъ».

Но самое сильное свидѣтельство въ пользу безсмертія находится въ непрерывной и прогрессивно-возрастающей силѣ истинной *аффекціи*. Кто беззавѣтно любитъ, тотъ имѣетъ въ себѣ постоянно крѣпнущую увѣренность въ будущей жизни. Въ чистой любви содержится залогъ безсмертія, потому что только одна душа способна къ этому возвышенному чувству. Тѣло не испытываетъ этого. Любовь—это глубокое сродство душъ, жизнь одной души съ другою, проявляющаяся въ помощи, въ воспитаніи, въ различнаго рода услугахъ, включительно до самопожертвованія. При всякихъ—внѣшнихъ и внутреннихъ—превратностяхъ, любящая душа остается неизмѣнной себѣ и проливаетъ въ другую всѣ симпатіи и таящіяся въ ней лучшія чувства. Въ истинной любви содержится нѣчто такое, что убѣждаетъ человѣка въ ея вѣчности, ибо любовью открывается безкопечность неудовлетворенныхъ желаній, самой возвышенной нѣжности, богоподобнаго самопожертвованія. Она сотворена затѣмъ, чтобы продолжаться на небѣ, потому что сама представляетъ собой частицу неба на землѣ, ибо истинная любовь не старится. Наперекоръ дряхлѣющему тѣлу, любовь возрастаетъ съ юношеской силой, становясь болѣе нѣжной и готовой на крайнее самопожертвованіе, такъ что мы достигаемъ предѣла жизни, сожалѣя о недостаточности времени для насыщенія этого вѣчнаго чувства и съ постоянно усиливающеюся тоской. Послѣдняя свидѣтельствуетъ о загробномъ продолженіи нашей любви, имѣющей получить современемъ достойный ея предметъ.

Сильное свидѣтельство любви въ пользу безсмертія не ограничивается узкими предѣлами только родной семьи. Наоборотъ, по мѣрѣ возрастанія человѣка изъ «душевнаго», въ «духовнаго», расширяется и его любовь, направляясь отъ семьи къ общинѣ, къ народу, государству и, наконецъ, къ цѣлому роду человѣческому. Ограниченная любовь къ себѣ преобразуется въ самоотверженную преданность слабымъ, нуждающимся, порочнымъ, неблагодарнымъ и, даже, самымъ отъ-

явленнымъ злодѣямъ,—въ преданность, все покрывающую, всему вѣру емлющую, на все надѣющуюся, все переносящую» (1 Кор. 13, 7). Эта любовь является отраженіемъ божественной любви и на землѣ уже предвѣщаетъ свое продолженіе въ вѣчности. Очищенная отъ всего низменнаго, духовная любовь требуетъ взаимности, соотвѣтствующаго ей предмета, и въ главнѣйшіе, реализуемые любовью, моменты жизни ничто земное не въ состояніи вполнѣ удовлетворить ее. При всей неоспоримой цѣнности человѣческаго аффекта, она, все-таки, стремится въ направленіи къ всецѣлому удовлетворенію: «Ты, Господи, создалъ насъ для Себя.—такъ восклицаетъ она вмѣстѣ съ блаж. Августиномъ,—и наше сердце неспокойно, пока не обрящетъ своего успокоенія въ Тебѣ!». Но во время земного странствованія не открывается полной взаимности со стороны этой божественной любви, потому что человѣкъ, для своего счастья, требуетъ любви, проистекающей изъ нѣдръ совершеннѣйшей жизни, въ продолженіи которой псалмопѣвецъ восклицаетъ: «насыщуся, внегда явитимися славѣ Твоей!» Эта безконечная способность—жертвовать и взаимно получать совершѣйшую любовь, человѣческую и божественную,—превосходитъ всякія временныя границы и въ обладающаго ею вселяетъ увѣренность, что такая любовь достигнетъ совершенства въ блаженной вѣчности. Уже одна мысль о томъ, что Богъ безжалостно обратитъ въ ничтожество это, созданное по Его образу и подобію, высшее свойство человѣческаго духа, противна разумному представленію о Богѣ, какъ о благомъ Отцѣ, а не какъ о темной силѣ, зло издѣвающейся надъ людьми и любующейся хаотическимъ завершеніемъ міровой жизни. Если совершенный Творецъ не можетъ не остаться вѣрнымъ предчувствіямъ Своихъ созданій, то Онъ сопзволитъ не только на ихъ безконечное бытіе, но такъ же и на удовлетвореніе этого благороднѣйшаго свойства ихъ природы.

Существуютъ два злополучныхъ взгляда,—на нихъ необходимо остановиться въ заключеніи философскаго доказательства,—по которымъ имѣютъ извѣстное значеніе всѣ предуказанія безсмертія, но только послѣднія замыкаются въ такія тѣсныя границы, что нарушаютъ дѣйствительность упомянутыхъ предуказаній. Первый, особенно распространенный въ настоящее время, взглядъ—это насчетъ *«условнаго» безсмертія*. По своей природѣ всѣ люди не безсмертны, а только нѣкоторые становятся таковыми по особой милости Божіей. Въ упомянутомъ

взглядѣ заявляетъ себя извѣстная теорія о продолженіи дѣйствія закона, по которому и въ загробномъ мірѣ продолженіе жизни будетъ удѣломъ только наиболѣе приспособленныхъ индивидовъ,—такихъ, которые борьбой за существованіе добыли себѣ безсмертіе. между тѣмъ какъ негодные будутъ обречены на окончательную погибель. На первый взглядъ эта теорія представляется привлекательной, потому что въ основу будущей жизни полагаетъ нравственное достоинство личности, и представляется имѣющею научно-моральную цѣнность. Универсъ сохраняетъ только то, что полезно; поэтому годное остается въ живыхъ, а дурное, какъ безполезное, погибаетъ. Такъ, повидимому, устраняются затрудненія въ примиреніи между будущимъ наказаніемъ и Божіимъ правосудіемъ. Но, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, такой взглядъ представится совершенно-непріемлемымъ. Онъ кажется гуманнымъ только сначала, а для вдумчивой мысли явится безжалостно-жестокимъ.

Предлагаемое рѣшеніе вопроса совершенно противонаучно. Прочная основа безсмертія содержится въ постулятѣ, по которому сознаніе служитъ только спутникомъ мозга, а этотъ послѣдній — его орудіемъ, причемъ сознаніе обнаруживаетъ способность къ самостоятельному существованію, послѣ отдѣленія души отъ тѣла. Но въ случаѣ, если бы одни индивидуумы оказались безсмертными, а другіе—обреченными на окончательную гибель, то можно было бы ожидать, по крайней мѣрѣ, хотя нѣкотораго различія между двоякимъ отношеніемъ сознанія къ мозгу въ томъ и въ другомъ случаяхъ. Съ научной точки зрѣнія было бы естественно предполагать, что сознаніе хорошихъ людей носило бы признаки будущаго существованія отдѣльно отъ мозговой матеріи, между тѣмъ какъ, наоборотъ, сознаніе негодныхъ людей обнаружило бы противоположные признаки отождествленія съ этой матеріей и невозможности отдѣленія отъ нея. Однако, наука не открыла рѣшительно никакого различія между сознаніемъ и мозговой матеріей добрыхъ и злыхъ. Проблемма и тайна дальнѣйшаго существованія остаются одинаковыми для тѣхъ и для другихъ. Научныя изысканія не открыли никакихъ слѣдовъ различія между двумя упомянутыми классами людей, у одного съ душами и безъ нихъ у другого, или сколько-нибудь бо́льшей легкости разлученія души съ тѣломъ въ одномъ случаѣ сравнительно съ другимъ. Разсматривая человѣческую структуру,

наука утверждаетъ одно изъ двухъ: или у всѣхъ есть душа, или ея совсѣмъ нѣтъ ни у кого,—смотря, разумѣется, по тому, какое направленіе является господствующимъ въ наукѣ.

Разсматриваемая теорія не состоятельна и въ философскомъ отношеніи. Только повидимому представляется достаточно основательнымъ положеніе, по которому универсъ, обыкновенно, сохраняетъ лишь одно полезное и существенно-необходимое для своего благосостоянія, и что, поэтому, негодныя души обращаются въ небытіе. Но думать, что негодныя души не могутъ имѣть никакого значенія въ будущемъ, значитъ выводить ложное заключеніе. Надо признать цѣнность уже одной потенціальности, соотвѣтственно цѣнности достиженія взятой цѣли. Не мѣшаетъ здѣсь подумать о томъ, насколько низко цѣнится человѣческое достоинство по такому взгляду. Въ концѣ концовъ, человѣкъ оказывается только животнымъ, погибающимъ естественною смертью; по душѣ и по тѣлу онъ смертенъ подобно ему. и, однако, въ то же самое время, этотъ данникъ естественной смерти облеченъ поразительно противорѣчащими его естественному назначенію свободной волей и нравственною отвѣтственностью! Что за странное представленіе образуется такою теоріей о сверхъестественномъ, по которой Самъ Богъ находится въ постоянномъ процессѣ иммортализаціи погибающихъ тварей! Отъ такой теоріи отдаетъ надменностью и крайнимъ эгоизмомъ. Въ ней очевидна попытка создать какую-то исключительную аристократію, съ претензіей на безсмертіе, сравнительно, небольшаго числа лицъ, и съ предоставленіемъ значительному большинству рода человѣческаго печальной необходимости—навѣки исчезнуть въ безднѣ небытія. Можетъ ли пламенѣющее ко всѣмъ любовью сердце успокоиться на призрачномъ счастьѣ—безсмертіи только немногихъ избранниковъ? Для такого сердца закрыты пути, потому что неизвѣстность насчетъ ближнихъ: въ состояніи ли они достигнуть блаженнаго безсмертія?—непремѣнно будетъ сопровождаться тягостнымъ сомнѣніемъ въ виду обреченія большинства на совершенное исчезновеніе. Ибо чѣмъ выше въ нравственномъ отношеніи находится извѣстная личность, тѣмъ болѣе недостойной будетъ считать себя; такъ что, вмѣстѣ съ нравственнымъ усовершенствованіемъ, истинно-святой человѣкъ станетъ считать себя менѣе достойнымъ къ воспріятію загробнаго блаженства, по сравненію съ другими людьми. И получится отсюда только то, что лишь одни фарисеи будутъ счи-

тать себя достигнувшими совершенства и возблагодарятъ Бога за то, что они «не якоже прочіи человѣцы» (Лк. 18, 11).

Обращаясь, затѣмъ, къ оцѣнкѣ этой теоріи съ моральной и религіозной точекъ зрѣнія, мы находимъ ее абсолютно-непріемлемою. Она небиблейская, и, чтобы сдѣлаться послѣднею, она должна найти въ Библіи такія опредѣленія понятій о вѣчной жизни и смерти, по которымъ первая означаетъ продолженное бытіе, а вторая—прекращеніе его. Между тѣмъ какъ, наоборотъ, болѣе глубокое изученіе Свящ. Писанія показываетъ, что вѣчною жизнью означается бытіе съ присоединеніемъ благодатныхъ даровъ, а вѣчной смертью—бытіе безъ этихъ послѣднихъ; ни въ томъ, ни въ другомъ случаяхъ бытіе не является ограниченнымъ. Далѣе, что за противорѣчіе библейскому духу представлять Бога стоящимъ на сторонѣ только однихъ избранниковъ и допускающимъ большинству Его несчастныхъ тварей сдѣлаться добычей вѣчнаго уничтоженія! Какъ провести такую разграничительную линію, которая отдѣляла бы добрыхъ отъ злыхъ, способныхъ къ вѣчной жизни и неспособныхъ для нея, такъ какъ человѣчество представляетъ изъ себя смѣшеніе добрыхъ съ злыми, въ числѣ которыхъ нѣтъ ни совершенно-святыхъ, ни демонически-грѣшныхъ, но тѣ и другіе являются болѣе или менѣе съ примѣсью хорошихъ и дурныхъ качествъ, причемъ въ числѣ злыхъ находятся и добрые и, наоборотъ, въ числѣ добрыхъ—злые, но всѣ съ общею способностью къ продолженію бытія.

Защитники разбираемаго взгляда думаютъ, что имъ оправдывается Божіе правосудіе, между тѣмъ какъ, наоборотъ, онъ болѣе создаетъ, нежели рѣшаетъ недоумѣній. Если злодѣи мгновенно исчезаютъ по смерти, то гдѣ же удовлетвореніе правосудію? Вѣдь для какого-нибудь жестокаго тиранна отнять у другихъ тысячи невинныхъ жизней и потомъ жить въ довольствѣ, чтобы умереть мгновенно и обратиться въ ничтожество, было бы довольно выгодно, за-то пагубно отразилось бы на правосудіи. Самые отъявленные злодѣи согласились бы на такой исходъ. Но прирожденная всему роду человѣческому вѣра въ окончательное торжество правосудія была бы потрясена до основанія. Не поможетъ рѣшить затрудненіе и такое видоизмѣненіе теоріи, что злодѣи будутъ долгое время по смерти нести наказаніе, прежде чѣмъ обратятся въ ничтожество. Ибо чѣмъ гарантируется ихъ посмертное существованіе? Если они были смертными по природѣ во время земной жизни и

не боролись за правду, то они не должны существовать и по смерти. Но,—возражаютъ защитники этой теоріи,—Богъ воскрешаетъ ихъ, даруя имъ временное безсмертіе, съ цѣлью наказать ихъ. Отвѣтимъ на это. Не будетъ ли слишкомъ ужаснымъ представленіе о Богѣ, воскрешающемъ мертвыхъ только для одного наказанія? Не сравнимъ ли мы Бога съ палачемъ, оживляющимъ повѣшенныхъ съ цѣлью опять вздернуть ихъ на висѣлицу? Или не окажется ли Богъ подобнымъ инквизитору, приводящему въ чувство изъ обморока свою жертву, чтобы подвергнуть ее еще болѣе ужаснымъ пыткамъ? Такими ли способами удовлетворяется небесное правосудіе? Допустивъ, затѣмъ, что злодѣй опять оживетъ по смерти, спросимъ: какою силою онъ обращается въ ничтожество? Грѣхомъ, отвѣчаетъ теорія, потому что грѣхъ носитъ въ себѣ самоуничтоженіе. Наоборотъ, самъ по себѣ грѣхъ не содержитъ въ себѣ уничтоженія. Онъ истощаетъ смертныя тѣла, но только никакъ не свое качество. Потворство грѣху нисколько не служитъ къ истребленію послѣдняго, а, наоборотъ, только содѣйствуетъ его развитію. Гордость, зависть и ненависть уничтожаются ли потворствомъ, или, наоборотъ, еще болѣе возрастаютъ, благодаря упражненію въ нихъ? Если, далѣе, грѣхъ никогда не поядаетъ самъ себя въ своемъ духовномъ качествѣ, то чѣмъ же приведется въ небытіе злодѣй, разъ онъ воскреснетъ изъ мертвыхъ? Единственно только Божіимъ произволеніемъ. Однако, и здѣсь мы сталкиваемся съ очень низменнымъ представленіемъ о Богѣ—Отцѣ рода человѣческаго, потому что Онъ оказывается въ столь сильной степени подъ неотразимою властью грѣха, что долженъ прибѣгнуть къ единственному, имѣющемуся въ Его распоряженіи, средству—насильственному истребленію большей части Своихъ разумныхъ тварей.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ рѣшительному сужденію о разсматриваемой теоріи. При всей видимой привлекательности, она несостоятельна, по своимъ поражающимъ представленіямъ о Богѣ и человѣкѣ. Когда взглянешь на безчисленныя міріады разумныхъ тварей, разсѣявшихся по лицу земному въ теченіе минувшихъ тысячелѣтій, и подумаешь о тѣхъ безпомощныхъ ордахъ, которымъ не улыбнулась борьба за существованіе, и которыя, по всей вѣроятности, окажутся—(по этой теоріи) недостойными будущей жизни, то уже одинъ страхъ при видѣ пространнаго поля, съ трупами павшихъ въ неравной борьбѣ, то уже одно ужасающее зрѣлище все уно-

сящаго съ собою въ бездну небытія бурнаго потока, одна мысль о страшной ошибкѣ Творца, такъ жестоко разрѣшившаго загадку жизни и смерти, служитъ сильнѣйшимъ опроверженіемъ безумной теоріи. Если Богъ поступилъ бы такъ по доброй волѣ,—тѣмъ хуже, потому что люди не могутъ поклоняться такому Богу; Онъ былъ бы не Богомъ, а какимъ то Молохомъ. Если, даже, обыкновенные смертные, не щадя никакихъ жертвъ, посылаютъ миссіонеровъ для спасенія самыхъ отверженныхъ и несчастныхъ собратьевъ, то неужели общій всѣхъ Отецъ небесный не захочетъ оказать хотя подобнаго состраданія къ падшимъ? Не достовѣрно ли и то, что вопреки общепризнаннаго въ наукѣ закона о побѣдѣ сильныхъ надъ слабыми, величайшей славою христіанства является ученіе о спасеніи слабыхъ? Величайшій злодѣй и самый послѣдній грѣшникъ больше другихъ нуждаются въ небесномъ милосердіи. Неужели явившійся въ нашъ грѣшный міръ и свидѣтельствовавшій о Себѣ, какъ о добромъ Пастырѣ, Который оставляетъ девяносто девять овецъ въ горахъ и спѣшитъ отыскать заблудившуюся (Мѳ. 18, 12), или, какъ сердобольный Отецъ, ожидающій возвращенія блуднаго сына (Лк. 15, 20)—неужели Господь останется всеблаженнымъ съ относительно-малымъ числомъ избранниковъ, которымъ, благодаря счастливой борьбѣ, удалось пережить своихъ слабыхъ собратьевъ? Насколько же болѣе почтенна и согласна съ благородными движеніями человѣческаго сердца мысль о безсмертіи *всѣхъ* людей, въ связи съ надеждой, что, какъ-бы ни велика была сила сопротивленія человѣческой воли Божьему закону, однако, еще болѣе могущественною оказывается безконечная любовь.

Другой, въ высшей степени удручающій, взглядъ на безсмертіе, раздѣляемый, къ сожалѣнію, очень многими приверженцами, состоитъ въ отожествленіи посмертнаго бытія съ потерей личнаго самосознанія, посредствомъ погруженія въ безконечность. Въ неизмѣримомъ циклѣ вѣковъ,—говорятъ,—можетъ продолжаться только безконечное. Будучи конечною, человѣческая душа необходимо, въ концѣ концовъ, должна поглотиться безконечнымъ. Человѣкъ безсмертенъ; но духъ его долженъ раствориться въ Богѣ, даровавшемъ его, чтобы Богъ могъ сдѣлаться «всяческимъ во всѣхъ» (1 Кор. 15, 28). Но такъ рѣшать вопросъ значитъ предлагать камень вмѣсто хлѣба и змію вмѣсто рыбы. Въ данномъ отвѣтѣ выступаетъ претен-

ціозное издѣвательство надъ самыми лучшими человѣческими чувствами въ пользу безсмертія, ибо погруженіе въ безконечность практически равносильно всецѣлому уничтоженію. Какое различіе между тѣмъ, казнятъ ли насъ на морскомъ берегу, или потопляютъ въ бездонной пучинѣ? Наше сознательное тождество уничтожается въ томъ и другомъ случаяхъ. Но почему же конечное не можетъ всегда и совмѣстно существовать съ безконечнымъ? Фактическое существованіе ихъ на землѣ служитъ порукой продолженія его и въ вѣчности. Для чего тогда было и творить конечное, если исходъ возвращается къ началу? Гдѣ же здѣсь хоть какая-нибудь разумность дѣла Божьяго? Мысль о единомъ Творцѣ въ безконечномъ пространствѣ и времени, со всѣми погруженными въ Него духами, представляется менѣе содержательной по сравненію съ другою—о Творцѣ съ драгоцѣнными результатами Его премудрости, любви и долготерпѣнія, собравшимися вокругъ Его на пиру вѣчной жизни. Цѣлый планъ творенія, съ безконечнымъ рядомъ вѣковъ, потраченнымъ на его исполненіе, рѣшительно протестуетъ противъ столь безсмысленнаго завершенія мірового процесса. Человѣческая личность представляетъ собою самый драгоцѣнный продуктъ творенія. Она стоитъ на верху всего развитія; такъ что, если бы Безконечный,—по словамъ Мартино,—поглотилъ личную жизнь въ концѣ опредѣленнаго смертнымъ срока,—это болѣе походило бы на жертвоприношеніе дѣтей Молоху, нежели на взятіе Еноха Богомъ. Личность представляетъ собою высочайшій фактъ въ цѣломъ космосѣ; и если смерть имѣетъ власть надъ нею, то нѣтъ ничего такого, что пощадила бы она: смерть можетъ погубить самое драгоцѣнное твореніе Божіе. Исчезновеніе личности является уничтоженіемъ бытія, на мѣсто котораго ставится пустота; но природа не знаетъ пустоты. Завершительный пунктъ эволюціи, предсказанія, проистекающія изъ несовершенства, стремленій, чаяній и нравственнаго чувства человѣчества, а также и положительныя свидѣтельства Откровенія—все это окажется злою насмѣшкой, если только личность обречена на окончательное уничтоженіе. Здѣсь нѣтъ какой-либо посредствующей между двумя противоположностями мысли. Логически правильнымъ должно признать одно изъ двухъ: или безсмертіе личности, или ея уничтоженіе. Въ какую сторону должно склониться наше рѣшеніе,—это ясно изъ всего вышесказаннаго.

III.

Голосъ вѣры.

Вопросъ о безсмертіи, въ концѣ-концовъ, получаетъ тотъ или другой отвѣтъ, смотря по тому, какое представленіе имѣется у насъ о Богѣ и о нашемъ моральномъ чувствѣ. Непоколебимое упованіе безсмертія зиждется на разумной вѣрѣ въ любовь и благость Божію.

Каковы же предсказанія вѣры? Божественное Откровеніе учитъ о личномъ безсмертіи. Ученые толкователи различаются между собою только не вполнѣ одинаковыми взглядами на форму и полноту Откровенія, а также неодинаковымъ объясненіемъ нѣкоторыхъ его мѣстъ; за то всѣ согласны въ томъ, что Слово Божіе ясно поучаетъ истинѣ безсмертія человѣческой души. Божественное Откровеніе о будущей жизни начинается нѣсколько примрачно; затѣмъ, постепенно уясняется, пока, наконецъ, не озарится свѣтомъ евангельскаго ученія. Имѣется достаточно данныхъ для полнаго довѣрія къ нашей Библіи. Въ самомъ дѣлѣ, когда взвѣсимъ внутреннія и внѣшнія свидѣтельства въ пользу ея истинности, прослѣдимъ ея исключительную исторію на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ, могущественное вліяніе ея на преобразованіе многихъ цивилизацій, среди которыхъ ей суждено было утвердиться, а,—главное,—подумаемъ о тѣхъ путяхъ, которыми достигаетъ она до каждой, стремящейся къ истинной жизни, души, о словахъ ея, проникающихъ до глубочайшихъ нѣдръ сердца, о благодѣтельномъ ея вліяніи на всѣхъ страждущихъ (одинъ Богъ сотворилъ человѣка и Онъ же даровалъ Откровеніе),—то какъ не положиться на библейское ученіе?

Присоединимъ къ этому, прежде всего, свидѣтельство о воскресеніи Христовомъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что истина человѣческаго безсмертія не можетъ всецѣло опираться на историческую дѣйствительность одного этого событія, тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что, если воскресеніе Христово представляетъ собою дѣйствительное событіе, то имъ обезпечивается и наше загробное существованіе. Если возсталъ изъ мертвыхъ одинъ Человѣкъ, то является доказаннымъ, по крайней мѣрѣ, то, что изъ гроба можетъ возсіять жизнь. Произойдетъ ли это во всѣхъ случаяхъ,—на то требуются особыя доказательства; но великимъ пріобрѣтеніемъ служитъ уже одна

мысль о томъ, что это можетъ случиться, потому что случилось однажды. Въ разсужденіи взятаго предмета существуютъ и, надо полагать, всегда будутъ существовать двѣ точки зрѣнія. Одни говорятъ, что имѣющіяся въ Библіи свидѣтельства, достаточныя для установленія ординарныхъ историческихъ происшествій, далеко недостаточны для засвидѣтельствованія такого необыкновеннаго событія, которое противорѣчитъ всякому человѣческому опыту, и что истина воскресенія никогда не сдѣлалась бы предметомъ вѣры, если бы она не отвѣчала чающему безсмертія человѣческому сердцу. По мнѣнію другихъ, съ указанной точки зрѣнія нельзя доказать никакого поразительнаго событія, потому что ежедневно принимаются нами за достовѣрные факты, рѣшительно противорѣчащіе всякому предшествующему опыту; поэтому, единственно-надежный путь ведетъ насъ къ тому, чтобы изслѣдовать достовѣрность и признать результатъ. Что такое воскресеніе возможно, это зависитъ отъ рѣшенія вопроса: есть ли Богъ, или Его нѣтъ? Матеріальный универсъ и жизнь не могутъ быть объяснены безъ признанія истины бытія Божія. А если такъ, то Онъ долженъ быть Господиномъ, а не рабомъ Своего творенія. Онъ долженъ быть въ силѣ видоизмѣнять, или дѣйствовать въ совершеннѣйшей гармоніи съ естественными законами. Слѣдовательно, воскресеніе возможно. Что же касается того, угодно ли Богу совершеніе такого поразительнаго чуда, то послѣднее зависитъ всецѣло отъ потребности въ немъ, открытой Его божественному всевѣдѣнію, а также и отъ самого историческаго факта: дѣйствительно ли произошелъ онъ дѣйствіемъ Божьяго всемогущества? Такимъ образомъ, мы подошли къ вопросу о фактѣ.

Прежде доказательства очевидности полезно имѣть въ виду слѣдующее: если бы, въ концѣ-концовъ, для кого-нибудь показались неубѣдительными данныя въ пользу тѣлеснаго воскресенія Христова, то, все-таки, уже одна пламенная проповѣдь о немъ и повсюду распространенная вѣра служили бы свидѣтельствомъ безсмертія, говоря о составившемся у всѣхъ христіанъ убѣжденіи, что такое Лицо, какъ Христосъ, не могло умереть безвозвратно; что такое необыкновенное воплощеніе мудрости, благости и самопожертвованія не могло окончить дней своихъ только на землѣ, а должно было воскреснуть духовно и, такимъ образомъ, еще разъ подтвердить врожденное всѣмъ убѣжденіе въ окончательномъ торжествѣ прав-

ственнаго превосходства. Затѣмъ, необходимо уяснить себѣ ту истину, что, какими бы убѣдительными ни были доказательства Христова воскресенія, принятіе или отверженіе ихъ зависятъ отъ различныхъ индивидуальныхъ симпатій и предрасположеній. Ни одна изъ двухъ спорящихъ сторонъ не уступитъ другой, потому что въ основѣ окончательнаго рѣшенія находится предрасположеніе къ вѣрѣ или невѣрію. Однако, не мѣшаетъ искренно сознаться въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ, пожалуй, не болѣе опасности со стороны предразсудковъ противъ всего сверхъестественнаго, нежели и со стороны такихъ горячо-вѣрующихъ, которые хотятъ доказать слишкомъ много. Вотъ, почему люди, прежде всего совершенно симпатизирующіе возвышенному характеру Христа, менѣе другихъ затрудняются признать истину воскресенія, при всей ея видимой поразительности. Самый надежный путь реализовать достовѣрность воскресенія — это начать съ Самого Христа и спросить: какъ объяснить себѣ поразительно-чудесное Лицо Его? Самъ Онъ,—такъ кажется намъ,—представляетъ Собою величайшее чудо, по отношенію къ которому воскресеніе является только необходимымъ слѣдствіемъ послѣдняго. Какъ объяснить Его поразительную мудрость, какой не открывалось въ прошедшіе вѣка, и которой не исчерпывали послѣдующіе? Его необыкновенно-возвышенное ученіе занимаетъ исключительное положеніе на протяженіи всѣхъ временъ и мѣстъ. Великіе мудрецы міра схватывали только малыя крупицы истины. Онъ же принесъ полное откровеніе прошедшаго, настоящаго и будущаго. Они являются только звѣздами, а Онъ—солнцемъ правды. Помыслимъ только объ одномъ палестинскомъ жителѣ (котораго считали простымъ плотникомъ), исходящемъ изъ узкихъ предѣловъ назаретскихъ и сообщающемъ поразительное Откровеніе о царствіи Божіемъ, которое возглавляется любящимъ Отцомъ, всеобъемлюще и существуетъ совмѣстно съ родомъ человѣческимъ; открывающемъ, что всемогущій Создатель—Отецъ всѣхъ людей, пекущійся о каждомъ человѣкѣ; что Онъ—Богъ-Спаситель, хотящій всѣмъ человѣкамъ спастися; что всякая душа безконечно дорога въ Его очахъ, что она можетъ возродиться и совершенно преобразоваться, и возвѣщающемъ самыя возвышенныя начала, доселѣ еще лежащія въ основѣ всего соціальнаго и духовнаго прогресса въ родѣ человѣческомъ. Присоедините къ этому Его совершеннѣйшую жизнь съ безусловной преданностью Богу и

съ крайнимъ самопожертвованіемъ человѣку, — жизнь, о которой друзья и враги одинаково судили, какъ объ исключительномъ явленіи, благодаря ея безупречной чистотѣ и всецѣлому самоотреченію. Представьте себѣ такую личность, не только никогда не обличенную врагами въ какомъ-нибудь грѣхѣ, но предъ всѣми заявляющую, что сама она не знала за собой никакого грѣха и совершенна въ глубочайшихъ тайникахъ своего сердца. Какъ объяснимъ мы себѣ происхожденіе такой личности? Довольно ли одной наслѣдственности и среды, Давидовой родословной и назаретской обстановки для произведенія такой исключительной жизни, выдѣляющейся своимъ неземнымъ совершенствомъ изъ всего рода человѣческаго? Можно ли сослаться на какое-то самообольщеніе въ разсужденіи о Томъ, мудрость Котораго изумляетъ цѣлый міръ? Захотѣлъ ли бы обычный человѣкъ въ столь крайней степени жертвовать собой? На это можетъ слѣдовать только одинъ отвѣтъ, даннный Самимъ Спасителемъ, что въ Его Лицѣ явился Самъ Богъ во плоти, откровеніе всесовершеннаго Творца во времени. Если держаться такого, именно, взгляда на богочеловѣческое Лицо Христа-Спасителя, и если слѣдовать за Нимъ по возвышенному евангелію отъ Іоанна, которое дышетъ Его духомъ и вводитъ насъ въ самое святое святыхъ Его мыслей, мотивовъ и стремленій, то Самъ Христосъ представится намъ чудомъ, а Его воскресеніе только логическимъ выводомъ изъ всей Его земной жизни. Итакъ, Самъ Христосъ является первымъ и величайшимъ свидѣтелемъ въ пользу Своего воскресенія.

Теперь, разсмотримъ безпристрастно слѣдующіе факты: нравственный характеръ «свидѣтелей», число ихъ, изъ котораго многіе выдѣлялись критическимъ умомъ и высокимъ образованіемъ; ихъ личное отношеніе къ фактамъ, которыхъ они были очевидцами; ихъ согласіе между собою въ существенномъ, не безъ различія только въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ частностяхъ, доказывающаго лишь то, что очевидцы напередъ не заключали между собою какого-либо договора; взвѣсимъ значеніе того факта, что они свидѣтельствовали непосредственно послѣ совершенія событій и, при томъ, открыто, въ самомъ Іерусалимѣ, и не однажды, по требованію обстоятельствъ, повторяли свое свидѣтельство; необыкновенную простоту ихъ рѣчей; рѣшительное противорѣчіе, въ какомъ свидѣтельство ихъ состояло къ пережитымъ ими днямъ крайняго

сомнѣнія и невѣрія: отсутствіе всякихъ корыстолюбивыхъ и подобныхъ имъ побужденій: внезапный переворотъ, сдѣлавшій изъ боязливыхъ людей неустрашимыхъ мучениковъ: неизмѣнную твердость ихъ свидѣтельства, запечатлѣннаго страшными пытками, даже, до самой смерти; побѣды, одержанныя проповѣдью о воскресеніи надъ различными религіями и цивилизаціями; существованіе высшихъ націй, достигнувшихъ своего положенія, благодаря принятію ими христіанства,—и затѣмъ уже подумаемъ о томъ, не служатъ ли всѣ эти факты, вмѣстѣ съ необыкновеннымъ по своей высотѣ нравственнымъ характеромъ Самого Христа, достаточнымъ свидѣтельствомъ въ пользу исторической дѣйствительности воскресенія?

Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, человѣческое безсмертіе явится достаточно обезпеченнымъ. Съ принятіемъ Христова воскресенія мы пріобрѣтаемъ нравственную увѣренность, какъ и, наоборотъ, съ отрицаніемъ его рушится цѣлый рядъ доказательствъ, служившихъ твердою опорою вѣры для многихъ милліоновъ христіанъ. на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ.

Въ связи съ данными Откровенія и чуда Христова воскресенія находится подтвержденіе, происходящее изъ высочайшаго моральнаго чувства, присущаго каждой человѣческой душѣ. Однимъ изъ наиболѣе поразительныхъ признаковъ упомянутаго чувства служитъ общая всѣмъ людямъ идея Бога. За немногими исключеніями, обязанными, по всей вѣроятности, неточнымъ наблюденіямъ и только подтверждающимъ общее правило, нѣтъ человѣка на землѣ, который инстинктивно не постигалъ бы истины бытія Божія. Не смотря на возможную обособленность своего существованія отъ всѣхъ другихъ членовъ человѣческой семьи, сердце каждаго непосредственно чувствуетъ бытіе высшаго моральнаго Существа. Это—многократно удостовѣренный фактъ. Психологи брали глухихъ. нѣмыхъ и слѣпыхъ дѣтей и строго запрещали кому-либо сообщать имъ что-нибудь о бытіи высшаго Существа: однако, по достиженіи болѣе зрѣлаго возраста, испытуемые, — оказывалось, — уже имѣли въ своемъ сердцѣ нѣкоторое чувствованіе, а въ умѣ—знаніе о бытіи Божіемъ. Во всѣхъ случаяхъ результатъ былъ такой же, какъ и съ происходившимъ въ Бостонѣ испытаніемъ, гдѣ одна глухонѣмая и слѣпая дѣвочка содержалась въ полнѣйшей изоляціи цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Экспериментаторы предполагали, что заключенная не имѣла ровно никакого понятія о

Высшемъ Существѣ и, затѣмъ, поручили одному почтенному епископу (Филиппу Бруксу) просвѣтить ее богопознаніемъ. Но когда тотъ началъ ей говорить о бытіи и свойствахъ Божіихъ, дѣвочка сразу дала понять, что она никогда до сихъ поръ не слышала Его имени, зато всегда знала Его.

Что иное означаетъ это нахожденіе во всѣхъ людяхъ идеи о Богѣ, какъ не то, что Самъ Онъ напечатлѣлъ въ человѣческой душѣ, чувствующей и свидѣтельствующей о своемъ родствѣ съ Творцомъ?

Вмѣстѣ съ этой идеей въ человѣкѣ заложено также чувство нравственной отвѣтственности. Называемое иначе нравственнымъ долгомъ, обязанностью, или категорическимъ императивомъ, это чувство является наиболѣе выразительнымъ по сравненію съ другими душевными свойствами въ человѣкѣ. «Существуютъ два предмета,—по словамъ Канта,—которые, чѣмъ чаще и внимательнѣе мы всматриваемся въ нихъ, тѣмъ болѣе наполняютъ душу все снова и все болѣе возрастающими удивленіемъ и благоговѣніемъ: звѣздное небо надо мною и моральный законъ во мнѣ... Созерцаніе безчисленнаго множества міровъ уничтожаетъ, такъ сказать, мое значеніе какъ животной твари. Наоборотъ, второй неизмѣримо возвышаетъ мое значеніе, какъ разумнаго существа,—и это происходитъ благодаря моей личности, въ которой нравственный законъ открываетъ предо мною жизнь, независимую отъ животнаго царства, которая не ограничивается условіями и предѣлами этой жизни, но простирается въ вѣчность». Размышляя о Богѣ, безсмертіи и долгѣ, Джорджъ Эліотъ воскликнула: «насколько непостижимъ первый и невѣроятно второе, настолько вѣченъ и абсолютенъ третій!». Но какъ же не замѣтила она того, что признаніемъ абсолютнаго значенія за нравственнымъ долгомъ свидѣтельствуется истинность бытія Божія и человѣческаго безсмертія? Ибо откуда происходитъ это чувство нравственнаго долга, этотъ категорическій императивъ, который повелѣваетъ дѣлать добро, избѣгать зла и бояться нравственной отвѣтственности? Не изъ соціальныхъ инстинктовъ дикихъ звѣрей, постепенно совершенствовавшихся при благопріятныхъ условіяхъ; не изъ естественной эволюціи симпатіи, заступившей мѣсто первобытнаго эгоизма, потому что моральное чувство всегда, на всемъ протяженіи человѣческой исторіи, само сопутствовало развитію человѣчества, видоизмѣняло его инстинкты и непрестанно ихъ облагораживало. Въ

противномъ случаѣ, что же, именно, побуждало человѣка производить нравственный выборъ добраго? Мы не въ правѣ сказать больше того, что моральное чувство родилось изъ «потребностей соціальнаго благополучія», ибо послѣднимъ требуется лишь то, чтобы существа, умѣющія приспособляться къ обстоятельствамъ, переживали менѣе способныхъ къ этому своихъ противниковъ. А, между тѣмъ, по свидѣтельству житейскаго опыта, нравственное чувство нерѣдко заставляетъ насъ стать во враждебныя отношенія съ этимъ благополучіемъ и, въ благоговѣніи передъ святостью человѣческой жизни, мы стараемся продлять жизнь безнадежно-больныхъ, увѣчныхъ и достигнувшихъ старческаго возраста. Такое моральное чувство не могло развиться изъ стремленія къ соціальному благополучію, ибо оно направляется прямо противъ послѣдняго. Слѣдовательно, единственно-правильное объясненіе происхожденія его состоитъ въ томъ, что, не имѣя своимъ источникомъ ни внѣшній, ни внутренній опытъ, оно даровано намъ свыше, единымъ Подателемъ всякихъ благъ. Если же такъ, то уже самое величіе этого чувства требуетъ и соотвѣтствующей области для его завершенія. Существованіе столь высокаго верховнаго судилища внутри насъ, это чувство личной свободы и отвѣтственности, этотъ нравственный законъ, въ связи съ одобреніемъ и необходимостью выбора, чѣмъ человѣкъ рѣшительно отличается отъ животнаго, являются чрезвычайно изумительными преимуществами, чтобы для ихъ развитія достаточно было кратковременной земной жизни. Существующій въ опытѣ человѣкъ является чрезмѣрно вооруженнымъ для какого-то призрачнаго бытія; ибо многія рѣшенія стоятъ выше какихъ-нибудь отношеній къ соціальному благополучію, особенно, когда человѣкъ является безпристрастнымъ судьею въ дѣлахъ идеальнаго чувства чести и нравственныхъ обязательствъ, хотя бы онъ жилъ на какомъ-нибудь необитаемомъ островѣ. Мы экипированы подобно океанскому пароходу, стоящему въ малой бухтѣ, свидѣтельствуя, что не намѣрены крейсировать только въ ней, а стремимся переплыть ее и узкими вратами выйти въ открытый океанъ вѣчности.

Такимъ образомъ, нравственное чувство удостовѣряетъ насъ въ загробной будущности. Какъ бы ни было извращено оно или какими бы сомнѣніями ни обуревалось, но, глубоко внѣдренное въ человѣческое сердце, оно неизмѣнно говоритъ о томъ, что всегда должно дѣлать только одно добро и избѣ-

гать зла, и что эта истина имѣетъ вѣчную цѣнность. и. не ограничиваясь узкими предѣлами земной жизни, требуетъ для себя посмертной вѣчности. Моральнымъ чувствомъ постулируются всесовершенный Богъ и этотъ міръ, какъ лучшій въ данныхъ условіяхъ. Но если, наоборотъ, смертью завершается все, то она окажется самымъ страшнымъ и непоправимымъ зломъ, и нравственное чувство будетъ оскорблено тѣмъ, что добро и зло никогда не получаютъ здѣсь справедливаго воздаянія. Равнымъ образомъ, персональныя велѣнія этого чувства въ отношеніи каждой разумно-свободной личности логически приводятъ къ вѣчности, въ смыслѣ неизбѣжнаго условія для усовершенствованія послѣдняго. Мы вырастаемъ въ идеалахъ правды. Съ каждой ступенью развитія возрастаетъ и наше требованіе, пока мы поймемъ, что наше моральное чувство требуетъ усовершенствованія и никогда не удовлетворится чѣмъ-либо меньшимъ. Мы считаемъ это требованіе авторитативнымъ, разумнымъ и возвышеннымъ; но въ условіяхъ земного существованія такое усовершеніе оказывается невозможнымъ. Оно достижимо только въ смыслѣ постепеннаго приближенія къ отдаленной цѣли. Если же это, Богомъ данное, чувство требуетъ невозможной здѣсь реализаціи, то должна быть вѣчная жизнь, въ которой осуществима послѣдняя: или,— какъ выражается Кантъ,—абсолютное благо и моральное Существо заключаютъ въ себѣ прогрессъ абсолютнаго блага въ стремленіи къ моральному Существу. Этотъ завершительный процессъ является невозможнымъ безъ непрерывнаго бытія одного и того же существа. «Высшее благо практически является возможнымъ только подъ предположеніемъ безсмертія души: слѣдовательно, какъ неразрывно связанное съ нравственнымъ закономъ, послѣднее служитъ постулатомъ чистаго практическаго разума».

Мы уже видѣли, что убѣжденіе въ безсмертіи пріобрѣтается человѣкомъ по мѣрѣ изученія дѣлъ Божіихъ въ цѣлой вселенной; а еще болѣе, когда онъ изслѣдуетъ свою внутреннюю природу: но особенно сильно заявляетъ о себѣ эта увѣренность въ томъ случаѣ, когда онъ, наконецъ, приступаетъ къ изслѣдованію природы Божества. Здѣсь вѣра достигаетъ предѣла нравственной достовѣрности послѣ того какъ, постепенно возвышаясь надъ внѣшней природой и надъ человѣкомъ, она успокоивается, въ концѣ концовъ, на безконечно-нравственной природѣ Божества. Даже и для атеиста откры-

вается возможность безсмертія изъ показаній природы и человѣка; но только увѣренность въ бытіи Божіемъ возможность безсмертія обращаетъ въ нравственную достовѣрность. Въ самомъ дѣлѣ если существуетъ высочайшій Богъ, то Ему должно принадлежать совершенство. Если же Онъ совершененъ, то каждымъ Его свойствомъ удостовѣряется наше загробное бытіе. Во-первыхъ, Богъ безконечно премудръ. Теперь, можетъ ли какая-нибудь разумная концепція мудрости оправдать уничтоженіе рода человѣческаго? Достойно ли премудраго Бога—сотворить матерію съ предназначеніемъ ей долгаго существованія. и допустить, послѣ краткаго времени земной жизни, погибель созданнаго по Своему образу и подобію человѣческаго духа? Разумно ли это съ точки зрѣнія, именно, Его вѣчной славы? Найдетъ ли для себя какую-нибудь славу царь, господствующій надъ неизмѣримымъ кладбищемъ? Захочетъ ли какой-либо здравомыслящій монархъ подвергнуть смертной казни своихъ подданныхъ, предпочитая царствовать надъ трупами. а не надъ миріадами живыхъ субъектовъ, прославляющихъ его днемъ и ночью, исполняющихъ его царскую волю, побѣждающихъ зло и, наконецъ, все покоряющихъ подъ ноги его? Возможно ли согласовать съ безконечною мудростью Творца—развить эти необъятные процессы къ произведенію человѣка для того только, чтобы уничтожить его потомъ? Это было бы безумной затратой энергіи и удостовѣреніемъ Своей неспособности къ созидательному дѣлу. Разумно ли было творить существа, надѣленныя силами и способностями для никогда недостижимой ими сферы, съ ближайшей перспективой совершеннаго ихъ уничтоженія? Впрочемъ, премудрость. взятая въ отдѣльности, могла все это знать и не имѣть силъ предовратить бѣдствіе. Но. въ соединеніи съ Божіимъ всемогуществомъ, она служитъ залогомъ нашего безсмертія.

Остановимся, далѣе. на святости Божіей въ ея соединеніи съ правосудіемъ. Божественнымъ совершенствомъ предполагается, что Онъ вмѣстѣ и святъ и правосуденъ. Когда мы сомнѣваемся насчетъ этого, то причина сомнѣнія кроется въ томъ, что мы судимъ о Немъ по неоконченному плану, смотря на лѣса вмѣсто самаго зданія, на сегментъ—вмѣсто цѣлаго круга, и забывая справедливое изрѣченіе:

«Одинъ лишь день тебѣ, чтобъ правымъ быть.
А Я имѣю вѣчность предъ Собою».

Можетъ ли святой и правосудный Богъ положить конецъ этому міру безъ возсталовленія его въ будущемъ? Глубокимъ убѣжденіемъ всего рода человѣческаго и во всѣ времена была высшая правда, которая должна же гдѣ-нибудь существовать въ универсѣ! Человѣкъ можетъ претерпѣть всякія неправды и вопіющія нравственныя противорѣчія въ твердомъ упованіи на будущее возмездіе; но уже самое робкое представленіе объ ужасающей возможности побѣды зла надъ добромъ и беззаконія надъ правосудіемъ оказывается невыносимымъ для него, потому что весь космосъ оно превращаетъ въ безумный хаосъ. Всѣ великія религіи человѣчества, всѣ его прогрессивные законодательные кодексы, всѣ самыя разнообразныя литературныя произведенія, всѣ репрезентаціи его идеаловъ въ театральной эволюціи открываютъ лежащее въ основѣ ихъ убѣжденіе, по которому должна, въ концѣ концовъ, восторжествовать высшая правда. Никакой «комплектъ идей для поколѣній» не можетъ заступить этого убѣжденія, потому что человѣкъ не видитъ на землѣ торжества правды, а, наоборотъ, постоянный опытъ убѣждаетъ его въ широкомъ разлитіи неправды по лицу земному. Но, при всемъ томъ, однако, онъ крѣпко держится своего убѣжденія, вопреки всякаго опыта, свидѣтельствуя этимъ самымъ въ пользу вѣры, какъ глубокой интуиціи въ его внутреннемъ міропорядкѣ. Въ самомъ дѣлѣ,—спрашивается,—правда торжествуетъ ли на этомъ свѣтѣ? Никто, при внимательномъ взглядѣ на жизнь, не можетъ утвердительно отвѣтить на такой вопросъ. Теорія «компенсаціи», по которой всѣ существа сравниваются въ окончательномъ итогѣ получаемаго счастья, опровергается неотразимыми фактами. Никто не получаетъ въ этой жизни полной награды или наказанія. Одинъ нерѣдко страдаетъ за проступки другого; а тотъ, въ свою очередь, пожинаетъ плоды чужого труда. Даже и возмездіе не одинаково за одно и то же преступленіе: женщину подвергаютъ остракизму, а мужчина получаетъ снисхожденіе. Какой-нибудь ничтожный проступокъ часто разрушаетъ цѣлую жизнь и—еще хуже—соединенныя съ нею жизни близкихъ людей. Очень многіе обойдены счастьемъ въ этой жизни, въ положеніи жертвъ злополучной среды и наслѣдственности, каковы, напримѣръ, люди низкаго происхожденія, дегенераты, неизлѣчимо-больные, умалишенные, рожденные въ мрачныхъ подвалахъ и обреченные въ жертву невылазной грязи и всякихъ пороковъ. Представимъ себѣ всю совокуп-

ность человѣческаго горя въ теченіе одного только дня, эти тяжкія тѣлесныя и душевныя страданія, обманутыя довѣрія, разбитыя сердца, поруганную честь и невинность, безчисленныя убійства съ самоубійствами и, наконецъ, неизбѣжную смерть. Присоединимъ къ этому страшныя опустошенія въ царствѣ животныхъ, производимыя какъ этими послѣдними, такъ и человѣкомъ. Оглянемся на прожитые вѣка и подумаемъ о тѣхъ безчисленныхъ жертвахъ, которыя были принесены для утоленія худшихъ аппетитовъ въ видѣ инквизицій, рабства, тираній, гоненій и мученичества. Воскресимъ въ своей памяти Гуса на пылающемъ кострѣ и папу Борджіо въ золотой тіарѣ; Саванаролу на эшафотѣ и Медичи въ пышномъ дворцѣ; обезглавленнаго апостола Павла и возсѣдающаго на тронѣ Нерона; Христа на крестѣ и правящаго міромъ Тиверія и спросимъ: неужели какой-либо здравомыслящій станетъ, послѣ этого, поддерживать теорію «компенсаціи», или заявитъ, что здѣсь торжествовала справедливость? Если же послѣдняя была попрана, то, слѣдовательно, должна быть загробная жизнь для торжества правосудія. Вопреки отрицанію нѣкоторыхъ новѣйшихъ мыслителей, остается въ силѣ старая альтернатива: или человѣкъ безсмертенъ, или Богъ не правосуденъ. Если земнымъ существованіемъ заканчивается все, то наше краткое странствованіе на этомъ свѣтѣ окажется страшнымъ кошмаромъ, самоубійство—благодѣяніемъ, цѣлый міръ—сплошнымъ преступленіемъ, нравственные принципы—пагубными пережитками и злодѣянія—выгодными несравненно болѣе добродѣтели. Но если существуетъ другая жизнь, тогда мы можемъ положиться на правосуднаго Бога, Который, по истеченіи предопредѣленнаго времени, явитъ торжество вѣчной правды Своей. Всѣ мы, въ такомъ случаѣ, мужественно встрѣтимся съ земными бѣдствіями, увѣренные въ заправляющей всѣмъ Божественной любви, цѣлью которой служитъ созданіе не временнаго счастья, а сильныхъ характеровъ; не веселыхъ мѣстъ для развлеченія, а суровой школы; мы опытно познаемъ, что Правитель міра—это любящій Отецъ и премудрый Воспитатель, вѣдающій, что наше нравственное преуспѣяніе требуетъ самой строгой дисциплины, и заботящійся, прежде всего, о развитіи всѣхъ душевныхъ силъ человѣка посредствомъ ниспосылаемыхъ ему испытаній.

Обратимся, далѣе, къ разсмотрѣнію благости Божіей. Здѣсь опять насъ встрѣчаетъ возраженіе насчетъ непримиримости

этого свойства Божія съ безчисленными скорбями и страданіями въ этомъ мірѣ. Мы же, наоборотъ, на основаніи міровыхъ золъ, утвердаемъ истину благости Божіей. Послѣдняя существуетъ, прежде всего, по причинѣ существованія добра въ этомъ мірѣ. Предъ нами свѣтлое облако великихъ апостоловъ, пророковъ, мучениковъ, миссіонеровъ, филантроповъ, которые все принесли въ жертву страждущему человѣчеству, являя собой примѣры самоотверженной любви и самаго возвышеннаго геройства. Откуда же произошло все это? Очевидно, что не само собою и, тѣмъ болѣе, не вопреки творческой волѣ. Называть человѣка добрымъ и отрицать Божію благость—это значитъ тварь ставить выше ея Создателя: но противъ такого богохульства рѣшительно свидѣтельствуетъ наше нравственное чувство. Слѣдовательно, никто, какъ Самъ Богъ является единымъ Подателемъ благости, посѣвая зерна ея въ человѣческихъ сердцахъ и постепенно возращая ихъ и, такимъ образомъ, открывая Свою собственную природу.

Затѣмъ, постепенное уменьшеніе мірового зла, многоразличные пути для торжества надъ нимъ добра здѣсь, на землѣ,—страданія въ качествѣ цѣлесообразныхъ средствъ къ воспитанію человѣческой личности, результаты и предсказанія эволюціи, постепенное откровеніе, свидѣтельства опыта, поучительная исторія всякой души, тернистымъ путемъ достигающей спасенія, и надъ всѣмъ воплощеніе Божественной любви въ богочеловѣческомъ Лицѣ Христа-Спасителя,—всѣмъ этимъ человѣческое сердце удостовѣряется въ безмѣрной благости Божіей и, не взирая на житейскія испытанія, взываетъ съ упованіемъ: «хотя Ты и поражаешь меня, однако, Я буду надѣяться на Тебя!»

Но и въ случаѣ согласія со всѣмъ этимъ, мыслящій человѣкъ недоумѣваетъ предъ страшной проблеммой существованія зла: «если Богъ, дѣйствительно, благъ, то какъ же Онъ можетъ допустить существованіе грѣха и страданій въ Имъ же Самимъ созданномъ мірѣ?» Еще на ранней зарѣ человѣческой исторіи этотъ вопросъ глубоко интересовалъ лучшіе умы: религіозное сознаніе свидѣтельствовало о томъ, что Богъ благъ, а разстроенный міръ неотразимо доказывалъ совершенно противное. Нѣкоторые выдающіеся мыслители нашего времени, отчаявшись въ возможности примиренія указаннаго противорѣчія, не устояли предъ соблазномъ—склониться на сторону древней гипотезы (ея держались послѣдователи Зороастра,

египтяне и манихеи) о двухъ враждебныхъ одно другому началахъ, причемъ злой богъ постоянно портитъ дѣло благого Творца. Но упомянутая гипотеза только увеличиваетъ затрудненіе, потому что, если Самъ Богъ является виновникомъ зла, то Самъ же Онъ окажется и злымъ. Если этотъ злой богъ не сотворенъ, а возникнулъ изъ глубинъ вѣчности, то онъ окажется самопротиворѣчащимъ, потому что, приписывая всемогущество и премудрость Творцу стройнаго космоса, мы необходимо исключаемъ, посредствомъ такого опредѣленія, независимо существующія безконечныя зложеланіе и неправду. Кромѣ того, неограниченно-злое существо оказалось бы безконечно-несовершеннымъ. Вѣдѣніе такого безконечно-несовершеннаго существа оказалось бы невѣдѣніемъ, а могущество—слабостью; поэтому, онъ не могъ бы имѣть ни мудрости, ни какихъ-либо другихъ средствъ противиться Богу. Не смотря на это, Джонъ Стюартъ Милль проповѣдуетъ доктрину, близкую къ разбираемой, утверждая, что если Богъ благъ, то Онъ представляетъ Собою такой «духъ, власть котораго надъ матеріей была не абсолютной»,—духъ, ограниченный со стороны нравственной и премудрости. Если бы божественная мудрость была ограниченною, то могъ ли Богъ создать человѣческій умъ болѣе превосходнымъ, по сравненію съ Своимъ умомъ, и способнымъ къ открытію ошибокъ Самого Творца,—высшимъ сравнительно съ Божіимъ? Если Его всемогущество ограничено, то зло должно было бы усилиться въ неимовѣрной степени и выступить далеко не въ томъ значеніи и силѣ, какимъ оно, дѣйствительно, является въ этомъ мірѣ. Но тогда создалось бы въ высшей степени безсмысленное положеніе дѣлъ, и человѣку негдѣ было бы искать утѣшенія. Въ рѣшеніи трудной проблеммы мірового зла не слѣдуетъ преувеличивать и безъ того печальную дѣйствительность, какъ это дѣлаютъ крайніе пессимисты, по словамъ которыхъ зломъ окончательно перевѣшивается добро, и однимъ страданіемъ совершенно уничтожается девяносто девять удовольствій. Не надо забывать и о томъ, что много зла устранено постепенно возрастающимъ могуществомъ науки и филантропіи; а что касается существующихъ бѣдствій, то они служатъ не малымъ побужденіемъ къ дальнѣйшему развитію человѣка. Мы не должны судить о злѣ съ точки зрѣнія нашей кратковременной жизни, а только по его пользѣ, цѣли и по конечному результату. Единственно съ послѣдней точки зрѣнія окажется возможнымъ удовлетвори

тельное рѣшеніе взятой проблеммы. Если бы страданія были абсолютно-безсмысленными, неизбѣжными и роковыми, то, въ такомъ случаѣ, Богъ оказался бы совсѣмъ не благимъ. Если же они преслѣдуютъ нравственную цѣль, то наличность ихъ оказывается оправданною, а благость — неотъемлемымъ свойствомъ Божіимъ. Исторія и опытъ согласно свидѣтельствуютъ объ относительной пользѣ зла, какъ неизбѣжнаго, въ условіяхъ земной жизни, средства для нравственнаго воспитанія человѣка. Если мы соглашаемся на хирургическую операцію для спасенія своей жизни, на продолжительныя занятія, съ цѣлью развить свой умъ, признаемъ цѣлесообразность налагаемой родителями дисциплины для укрѣпленія характера дѣтей, то какъ же станемъ отрицать высшее право Творца воспитывать человѣка посредствомъ житейскихъ испытаній? Ежедневнымъ опытомъ подтверждается та истина, что благополучіе надмеваетъ, а несчастье улучшаетъ людей.

Но, въ такомъ случаѣ, благость Божія служитъ залогомъ человѣческаго безсмертія. Любящій Отецъ небесный не будетъ уничтожать Своихъ дѣтей, простирающихъ къ Нему руки съ мольбой о помилованіи. Зато, наказывая ихъ, Онъ проявляетъ къ нимъ Свою любовь и воспитываетъ ихъ для блаженной вѣчности. Но казнить ихъ? Никогда! Это дѣло Ирода, но только не Христа. Если египетская царевна сжалилась надъ безпомощнымъ младенцемъ, котораго увидѣла плавающимъ въ корзинѣ по рѣкѣ; если арабскій шейхъ, нарушая свой законъ, отказался зарыть живымъ младенца, потому что послѣдній протягивалъ къ нему свои дѣтскія ручки и касался ими его лица, то Богъ ли всеблагой захочетъ, по какой-то недовѣдомой причинѣ, навѣки похоронить въ могилѣ Своихъ возлюбленныхъ дѣтей? Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду не полное проявленіе благости Божіей въ этомъ мірѣ, въ которомъ очень многіе такъ сильно испорчены и приведены на край погибели своими грѣхами. Слѣдовательно, долженъ быть иной міръ, въ которомъ Божія благость проявится во всей силѣ.

Но Богъ имѣетъ еще одно свойство: Онъ—истиненъ. Сообразно ли было бы съ безконечнымъ совершенствомъ Творца, вдунувшаго въ человѣка такія твердыя упованія, чаянія, предсказанія и проблески вѣчной жизни, не обнаружить ошибочности всего этого? Согласно ли съ высшей истиной—насадить инстинкты, не имѣющіе никакой реальной цѣнности? Не

вѣрнѣе ли думать, что, не обличая лживости послѣднихъ на протяженіи многовѣковой исторіи рода человѣческаго, Богъ этимъ самымъ только подтвердилъ ихъ истинность? «Въ домѣ Отца Моего много обителей: если бы не такъ, Я сказалъ бы вамъ» (Іоа. 14, 2).

Обратимъ особое вниманіе на свойство божественной любви. «Богъ есть любовь» (1 Іоа. 4, 16). Всѣ другія свойства служатъ, если можно такъ выразиться, прилагательными, это— именемъ существительнымъ. Святый ап. Іоаннъ не говоритъ: Богъ есть любящій, но: «Богъ есть любовь». Любовь—не описательное только выраженіе, но служитъ обозначеніемъ самой сущности Божества. Въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ люди покланялись искаженному ихъ представленіемъ Богу мщенія или распутства; но постепенно Его Ликъ очищался отъ всякихъ дурныхъ приражений, пока воплотившійся Сынъ не открылъ заблудшимъ истиннаго Бога, какъ любящаго Отца, природа и имя Котораго обозначаются словомъ: «любовь». Если же это такъ, то блаженство Бога было бы не полно безъ сотворенныхъ имъ людей. Въ случаѣ, если бы послѣднія окончательно уничтожались по смерти, такой Богъ не понесъ ли бы немалое лишеніе? А такъ какъ Онъ всемогущъ, то не облагодѣтельствуетъ ли Онъ насъ Своей любовью и не привлечетъ ли къ Себѣ? Въ качествѣ всесовершеннаго Существа, Онъ вседоволенъ. Теперь спрашивается, возможно ли Ему наслаждаться Своимъ всеблаженствомъ въ случаѣ погибели всѣхъ Его чадъ? Вотъ, уже въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ раздается пронзающій сердце плачъ вифлеемскихъ матерей по невинноизбіенныхъ ихъ младенцамъ: останется ли равнодушнымъ и вседовольнымъ Богъ Отецъ при видѣ всепоглощающей Его дѣтей смерти? Мать можетъ забыть свои драгоцѣнности или амбицію; но забудетъ ли она своего покоющагося младенца, которому грозитъ опасность или утонуть въ водѣ, или погибнуть въ огненномъ пламени? Если Богъ употребилъ столько разнообразныхъ средствъ къ нашему спасенію, то Онъ ли спокойно будетъ созерцать нашу погибель? Въ этомъ пунктѣ у насъ образуется абсолютная нравственная увѣренность, хотя и не имѣющая для себя (таковъ общій удѣлъ всѣхъ религіозныхъ истинъ) математически-очевиднаго доказательства. Мы, по всей вѣроятности, не въ состояніи доказать, что кто-либо не станетъ бросать въ океанъ все свое достояніе, на пріобрѣтеніе котораго онъ употребилъ цѣлую жизнь; или, что какой-

либо отецъ лишитъ жизни своего возлюбленнаго сына, для котораго онъ не щадилъ ни покоя, ни средствъ; зато у насъ имѣется абсолютная моральная увѣренность въ невозможности такихъ безсмыслепно-жестокихъ поступковъ, исключая, конечно, случаи крайняго сумасшествія. Мы не имѣемъ доказательствъ, что Богъ не предастъ вѣчной смерти всѣхъ людей, потому что не можемъ видѣть отлетѣвшихъ въ загробный міръ душъ, но въ пользу этого свидѣтельствуетъ наша абсолютная моральная увѣренность, опирающаяся на томъ фактѣ, что Самъ Богъ открылъ намъ безконечную цѣнность человѣческой души, которую разрушить едва ли въ Его благой волѣ.

Итакъ, всѣ свойства Божіи служатъ залогомъ нашего безсмертія. Жанъ Жакъ Руссо кратко суммировалъ истину безсмертія въ цѣпи слѣдующихъ положеній: «Я вѣрую въ Бога такъ же твердо, какъ и во всякую другую истину. Если Богъ существуетъ, то Онъ — совершенный; если совершенный, то премудрый, всемогущій и правосудный; если—правосудный и всемогущій, то душа моя безсмертна». «Кто вѣруетъ въ Бога,— говоритъ Ротэ,—тотъ долженъ вѣровать и въ посмертное существованіе человѣка. Безъ такой вѣры нѣтъ міра, который мыслился бы, какъ цѣль Бога». Въ томъ послѣднемъ торжественномъ кризисѣ, который неуклонно и постоянно приближается къ каждому изъ насъ, самымъ твердымъ упованіемъ на посмертное бытіе является благость Божія. Чувствуя приближеніе смерти, каждый изъ насъ можетъ всецѣло положиться на Бога, повторяя вслѣдъ за Спасителемъ: «Отче! Въ руцѣ Твои предаю духъ мой».

Въ настоящее время, при изученіи природы, а также и другихъ областей знанія, преимущественнымъ вниманіемъ пользуется индуктивный методъ. Факты, говорятъ, неопровержимы. Соберите ихъ, классифицируйте, сдѣлайте изъ нихъ логическій выводъ, — и въ результатѣ получится истина; но только постарайтесь запастись возможно большимъ числомъ фактовъ и слѣдите за тѣмъ, чтобы они соотвѣтствовали цѣли и были правильно истолкованы. Это требованіе совершенно основательно и вѣрно. Не слѣдуетъ забывать, при этомъ, только о томъ, что, напримѣръ, чувство служитъ такимъ же фактомъ, какъ камень, и что душевное настроеніе реально не менѣе, чѣмъ эта гора. Историческіе факты представляютъ собою только объективные результаты извѣстныхъ умственныхъ идей. Осматривалъ, теперь, назадъ и группируя вмѣстѣ факты, относя-

щіеся къ тремъ обширнымъ областямъ: естествознанія, философіи и религіи, можно ли сдѣлать какой-либо другой изъ нихъ выводъ, кромѣ одного: всѣ они указываютъ на будущую жизнь?

Много лѣтъ астрономы находились въ затрудненіи предъ непонятными пертурбаціями, происходившими на отдаленномъ отъ земли (2702 милліон. километр.) Уранѣ, пока Буваръ (въ 1821 г.) не открылъ, что таинственныя возмущенія можно объяснить, только основываясь на теоріи притяженія извѣстныхъ небесныхъ тѣлъ, указывающихъ на существованіе какой-то не открытой большой планеты. Въ теченіе четверти вѣка астрономы продолжали свои наблюденія, вычисленія и предсказанія, пока, наконецъ, въ 1846 г. берлинскій д-ръ Галле не открылъ, въ разстояніи только одного градуса отъ предположеннаго мѣста, огромную планету Нептунъ, самую большую изъ всѣхъ извѣстныхъ небесныхъ тѣлъ солнечной системы, совсѣмъ невидимую невооруженнымъ глазомъ, находящуюся на разстояніи 2,800,000,000 миль отъ солнца, имѣющую въ діаметрѣ 37,000 миль и совершающую полный оборотъ одинъ разъ въ продолженіе 164 лѣтъ. Несмотря на то, что многія предположенія насчетъ массы, разстоянія и формы орбиты оказались не совсѣмъ правильными, все-таки, въ общемъ вычисленія отличались поразительною точностью. Подобнымъ же образомъ и треволненія этой земной жизни, пертурбаціи человѣческаго духа, гравитація творенія, исторія, опытъ,—все указываетъ на существованіе необъятнаго духовнаго міра, правда, невидимаго простымъ глазомъ, зато абсолютно-реальнаго въ своихъ эффектахъ. И хотя мы должны будемъ современемъ измѣнить свои концепціи на счетъ послѣдняго и сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя поправки, однако, пространная дѣйствительность останется непоколебимой, потому что мы не можемъ никакъ иначе объяснить себѣ «возмущенія» въ этомъ мірѣ. «Возлюбленные! Мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что̀ будемъ. Знаемъ только, что, когда откроется, будемъ подобны Ему, потому, что увидимъ Его, какъ Онъ есть» (1 Іоа. 3, 2).

IV.

Условія посмертной жизни.

Послѣдняя запись, сдѣланная сэромъ Вальтеръ Скоттомъ въ его дневникѣ, гласитъ: «Мы благоразумно заспули, а съ насту-

пленіемъ утра»..... Многоточіе поставлено неожиданною смертью, прервавшею слова дневника. Одинъ только В. Скоттъ знаетъ о томъ, что произошло съ нимъ въ слѣдующее утро. Вполнѣ естественно и крайне любопытно для всего рода человѣческаго изслѣдовать: допустивъ продолженіе загробнаго бытія, спрашивается, что же такое произойдетъ съ нами «въ слѣдующее утро»? Нашъ умъ и сердце не могутъ успокоиться на одной, пока еще отвлеченной, истинѣ безсмертія, впредь до полученія болѣе или менѣе опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: съ чѣмъ можно сравнить вѣчную жизнь? Не достаточно только знать о продолженіи своего существованія; мы хотимъ получить ясный отвѣтъ на вопросы: какъ, гдѣ и когда? Мы стремимся къ распознаванію детальныхъ условій будущей жизни. Но въ этомъ пунктѣ природа и откровеніе хранятъ глубокую тайну и позволяютъ намъ дѣлать только одни догадки насчетъ своего будущаго существованія. Для такого молчанія имѣются двѣ причины: во-первыхъ, чтобы не вносить путаницы въ земную жизнь, и, во-вторыхъ, чтобы предотвратить тяжкія недоразумѣнія въ отношеніи той сферы, условія которой окажутся для насъ непостижимыми, благодаря отсутствію аналогичнаго опыта; а они, по всѣмъ даннымъ, необходимо должны будутъ отличаться отъ свойственныхъ нашей земной жизни физическихъ ограниченій.

Глубокая мудрость въ сокрытіи отъ насъ тайны загробнаго существованія подтверждается тѣмъ фактомъ, что всѣ попытки сдѣлать подробное описаніе нашей будущей жизни оказались далеко не привлекательными, если только не совсѣмъ отталкивающими. Причина этого кроется въ извѣстномъ психологическомъ законѣ, по которому никто не въ состояніи представить себѣ того, чего онъ никогда не видѣлъ. Поэтому всѣ концепціи насчетъ духовнаго состоянія вращаются въ сферѣ земныхъ образовъ, съ присущими имъ чертами извѣстнаго времени и условій. Эти послѣднія большей частью отличаются грубымъ матеріализмомъ и антропоморфизмомъ и, кромѣ того, разсматриваемыя подъ угломъ зрѣнія вѣчности, являются монотонно-утомительными. Словомъ «вѣчность» обозначается понятіе, превышающее нашъ ограниченный умъ: предъ нею цѣлый билліонъ тысячелѣтій оказывается не больше, нежели одна, едва замѣтная, песчинка на морскомъ берегу, или капля воды въ безбрежномъ океанѣ. Пытались дать нѣ-

которое, хотя и слабое, представленіе вѣчности посредствомъ примѣра птицы, которая должна была бы, въ теченіе неисчислимо-продолжительнаго времени, переносить по малымъ крупинкамъ цѣлый земной шаръ, возвращаясь только однажды въ цѣлое тысячелѣтіе. И, однако же, когда удалось бы этой птицѣ окончить свою труднѣйшую задачу, вѣчность только бы еще начала открываться. Если, затѣмъ, довольно скоро здѣсь, на землѣ, ребенку надоѣдаютъ самыя забавныя игрушки, взрослому человѣку—его хлопоты и пожилому—всѣ удовольствія и мірская слава; если самые отъявленные злодѣи могли бы представить себя осужденными на тысячелѣтнее скитаніе по свѣту, подобно вѣчному жиду, съ непрестающей тоской и съ тщетной мольбою о смерти:—каковы же должны быть возможныя условія загробнаго существованія, чтобы, не смотря на безконечное время, блаженство все болѣе и болѣе восхищало получившихъ его въ удѣлъ людей? Напрасно искать отвѣта на этотъ вопросъ у язычниковъ, потому что ихъ религіозныя представленія не совсѣмъ опредѣленны и то печальны, то причудливы. Ни одинъ изъ насъ не счелъ бы себя счастливымъ находиться цѣлую вѣчность въ мрачныхъ чертогахъ Озириса, или въ эллинской олимпіи, въ римскомъ элизіѣ, въ скандинавской валгаллѣ, въ магометанскомъ гаремѣ или въ браманской пирванѣ. Литературныя произведенія, хотя и представляютъ много великолѣпныхъ концепцій возвышенными порывами генія, однако, оказываются не въ состояніи показать неизмѣнную прелесть вѣчнаго блаженства. Едва ли захотѣли бы мы вѣчно жить въ великолѣпномъ парадизѣ Данте, или въ вонистенномъ небѣ Мильтона, съ непрестанными столкновеніями враждебныхъ армій и бѣгствомъ побѣжденныхъ, или въ состояніи вынужденнаго экстазомъ общенія душъ, усердно живописуемомъ чувствительными авторами. Подобнымъ же образомъ, концепціи различныхъ индивидуумовъ больше устрашаютъ, нежели привлекаютъ. Каждый образуетъ себѣ идею загробной жизни соотвѣтственно претерпѣваемымъ лишеніямъ въ земной. Утомленные стремятся къ успокоенію, потерпѣвшіе неудачи—къ успѣху, разлученные—къ свиданію. Томившійся на Патмосѣ св. Іоаннъ Богословъ, при видѣ разлучавшаго его отъ друзей моря, писалъ въ своемъ Апокалипсисѣ (21,1): «и моря уже нѣтъ»; испытывавшій нестерпимыя страданія отъ болѣзни Робертъ Холъ могъ воображать себѣ небо единственно, какъ только

здоровой мѣстностью; терпѣвшій неудачи въ своей филантропической дѣятельности Вильберфорсъ представлялъ загробную жизнь въ видѣ совершенной любви. Даже наиболѣе утвердившіеся въ духовной жизни сознаются, что такія представленія, каковы, напримѣръ, почиваніе на облакахъ съ пѣніемъ псалмовъ, или участіе въ торжественныхъ процессіяхъ съ пальмовыми вѣтвями, или шествіе по городу, улицы котораго сдѣланы изъ золота, а стѣны—изъ драгоцѣнныхъ камней, или упокоеніе на злачныхъ пажитяхъ и тихихъ водахъ, или жизнь въ непрерывномъ общеніи въ случаѣ ихъ вѣчнаго продолженія, окажутся утомительными. Такое блаженство многимъ представится совсѣмъ не желательнымъ, какъ, напримѣръ, оно не понравилось одному слушателю какого-то пуританскаго проповѣдника. «Ваше небо,—воскликнулъ прихожанинъ,—будетъ для меня геенной!» Подобнымъ же образомъ отвѣтилъ Штраусъ на разсужденія Фридриха Великаго: «извините, государь, но я совсѣмъ не желаю отправляться на небо».

Не смотря на ошибочность спеціальныхъ описаній загробной жизни, тѣмъ не менѣе мы не оставлены насчетъ ея въ совершенномъ невѣдѣніи. Для насъ открывается просвѣтъ если не отвнѣ, то извнутри, изъ духовныхъ свойствъ личности, не отдѣлимыхъ отъ насъ самихъ, а также и изъ сродства духовныхъ существъ съ такимъ же міромъ. Существуютъ нѣкоторые великіе принципы, на которыхъ можно основываться, чтобы приподнять хоть край завѣсы отдѣляющей этотъ міръ отъ загробнаго. Они подобны обильнымъ потокамъ свѣта, хотя и не все открывающимъ, однако, достаточно озаряющимъ наши жизненные пути. Во всемъ твореніи всюду царитъ одинъ всеобъемлющій законъ прогресса, прогресса и прогресса. Почему же, спрашивается, онъ долженъ вдругъ прекратиться по смерти? Или истощилось Божіе всемогущество? Или безконечное стало конечнымъ? Неужели божественныя совершенства, безпредѣльность и вѣчность, не служатъ императивами для непрерывнаго продолженія этого закона? Роковымъ недоразумѣніемъ со стороны нѣкоторыхъ богослововъ являлось ихъ указаніе на то, что по смерти человѣкъ мгновенно становится совершеннымъ, не имѣющимъ нужды и возможности дальнѣйшаго развитія. Но это значитъ считать тварь мгновенно сравнивающеюся съ Творцомъ, между тѣмъ какъ научный результатъ, въ приложеніи къ данному

случаю, состоитъ лишь въ нѣкоторыхъ намекахъ на безконечно-неопредѣленное пространство, время, методъ и природу Творца. Вмѣсто прекращенія развитія смерть, наоборотъ, служитъ необходимымъ условіемъ его продолженія. Въ теченіе своей земной жизни мы принимаемъ отъ этого міра все, что только можетъ онъ дать для образованія нашей личности. Въ случаѣ необходимости прожить на этомъ свѣтѣ цѣлыя тысячелѣтія, мы за это время сдѣлались бы, пожалуй, умнѣе, но только не непремѣнно лучшими. Больше того, можетъ быть, что, благодаря фамильярности съ земными условіями и повторности преподанныхъ уроковъ, мы еще ухудшились бы. Вотъ, между прочимъ, почему никто не знаетъ своего смертнаго часа, чтобы его неизвѣстность служила побужденіемъ не откладывать до самаго послѣдняго срока приготовленіе къ вѣчности. Слѣдовательно, смерть является необходимымъ освобожденіемъ отъ земной ограниченности для болѣе широкихъ возможностей; призывомъ не къ остановкѣ, а къ еще большему развитію нашихъ способностей и неразвитыхъ потенцій въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Смерть подобна садовнику, пересаживающему цвѣты, въ надлежащую пору ихъ развитія, изъ-подъ открытаго неба въ теплую оранжерею, съ цѣлью предохранить ихъ отъ холода и дать имъ возможность пышно расцвѣсти подъ тепличнымъ кровомъ. Человѣкъ подлежитъ дѣйствію такого же универсальнаго закона и потому предопредѣленъ къ нескончаемому прогрессу, въ трехъ главныхъ направленіяхъ—любви, познанія и служенія.

Пусть прекращаются всѣ другія дарованія, любовь «никогда не перестаетъ» (1 Кор. 13, 8): причастная самой божественной природѣ, она неистощима въ своей жизненности. Подобно тому, какъ земныя привязанности постоянно возрастаютъ своей интенсивностью, характеромъ и глубиною, силою самопожертвованія и ненасытимаго желанія, такъ и на небѣ истинная любовь будетъ безконечно крѣпнуть и развиваться, постепенно приближая насъ къ Богу и къ Его избранникамъ. Какъ нѣтъ конца Божьей къ намъ любви, такъ и наша къ Нему любовь никогда не сократится, а, наоборотъ, всегда будетъ крѣпнуть и въ вѣчности открывать предъ нами глубину безконечной любви небеснаго Отца и возбуждать въ насъ отвѣтную любовь. Но мѣрѣ того, какъ болѣе и яснѣе мы будемъ разумѣть Его таинственную, неизмѣнную, безковечную любовь въ связи съ твореніемъ, искупленіемъ и промышле-

ніемъ о вселенной,—непрерывно будетъ усиливаться и наше благоговѣніе. Для пламенной любви не страшны испытанія времени и монотонности. Насъ не утомляетъ искренняя ласка матери, чистая преданность ребенка или безкорыстная дружба. Если же кто утомляется любовью, то ясно, что—не истинною, а притворною, потому что первая ненасытима въ своемъ голодѣ и въ служеніи ближнимъ развиваетъ свои безконечныя способности.

Въ связи съ утвержденіемъ насчетъ совершеннаго развитія и полнѣйшаго удовлетворенія любви въ загробномъ мірѣ, рождается нѣсколько интересныхъ вопросовъ и опасеній, правда, подчасъ дѣтскихъ, но, тѣмъ не менѣе, однако, заслуживающихъ нѣкотораго вниманія и серьезнаго отвѣта. Многихъ смущаетъ особенно то, что вызываемое смертью измѣненіе, по ихъ мнѣнію, не оставитъ мѣста нашему реальному «я», и что мы не сохранимъ единства своего самосознанія, обратившись скорѣе въ какихъ-то противоестественныхъ фантомовъ, а не останемся разумно-свободными личностями. Но утрата свойствъ личности является рѣшительно невозможной. Наоборотъ, и на томъ свѣтѣ мы сохранимъ свои индивидуальныя особенности, потому что, въ противномъ случаѣ, не оставалось бы мѣста для суда, возмездія и наказанія, равно какъ и для дальнѣйшаго развитія сокрытыхъ въ нашей душѣ потенцій.

Второе, находящееся въ тѣсной связи съ первымъ, опасеніе состоитъ въ представленіи перехода отъ смерти къ жизни на подобіе переправы чрезъ легендарную Лету: на причаливающихъ къ берегу вѣчности опускается завѣса полнаго забвенія, и мы теряемъ память о всемъ прошломъ и перерождаемся въ какія-то новыя, не имѣющія никакого отношенія къ жившимъ на землѣ, духовныя существа. Въ этомъ случаѣ у насъ порываются всякія связи съ своими присными подобно тому, какъ на землѣ кто-нибудь порываетъ ихъ съ своимъ интимнымъ другомъ, который, по причинѣ какого-либо несчастнаго случая или тяжкой болѣзни, теряетъ память и перестаетъ узнавать самаго близкаго человѣка, видя въ немъ случайнаго незнакомца. Но такой страхъ оказывается также неосновательнымъ, когда разсмотримъ его во свѣтѣ непрерывности царящаго въ природѣ развитія. Въ такомъ случаѣ оказалась бы совершенно недостижимой главнѣйшая цѣль земной жизни, такъ какъ, съ потерей памяти, утратили бы всякій смыслъ многочисленныя испытанія и скорби, посылаемыя че-

ловѣку, для его нравственной дисциплины, въ земной жизни. Всѣ наилучшія чаянія, относимыя человѣкомъ въ загробный міръ, оказались бы пустыми призраками, какъ, напримѣръ, любовь, потому что, при отсутствіи воспоминанія, она лишится своего жизненнаго нерва. Правда, благодаря взаимной аттракціи, и въ загробномъ мірѣ могли бы возникнуть личныя симпатіи между различными душами, но только въ видѣ какой-то безцвѣтной реализаціи по сравненію съ накопленнымъ богатствомъ всякихъ надеждъ и страховъ, радостей и печалей, успѣховъ и неудачъ. Необыкновенно странная потеря памяти состоитъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ цѣлью небесной миссіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же могло бы проявиться божественное правосудіе и надъ кѣмъ, именно, разъ душа человѣка по смерти представляла бы собою что-то въ родѣ чистаго бумажнаго листа? Можетъ ли уголовный судья приговаривать къ какому-нибудь наказанію паралитика, абсолютно ничего не помнящаго о происшедшемъ? Нѣтъ спору, что вѣчная правда можетъ отчасти осуществиться благодаря тому, что всѣ эффекты нашей прошлой жизни являются какъ бы вплетенными въ обширную ткань нашей духовной сущности, всегда остающейся съ нами; но это было бы слишкомъ неполнымъ торжествомъ правосудія, какимъ оно должно оказаться при самосознательной реализаціи всего прошлаго съ присущими ему результатами. Такимъ образомъ, и радость, и раскаяніе удвоятся посредствомъ пребывающей въ вѣчности памяти, и, подобно тому, какъ наша виновность сильнѣе заявитъ себя въ ретроспективномъ взглядѣ, такъ и наше блаженство значительно увеличится по милости все прощающей и спасающей любви.

Но, спрашивается, какимъ образомъ окажемся мы способными узнать за гробомъ близкихъ намъ людей? Не потеряемъ ли мы ихъ, да и сами не затеряемся ли въ безбрежной вѣчности? Отвѣтъ на это не такъ труденъ, какимъ представляется онъ на первый взглядъ. Любовь отшедшихъ душъ никогда не забудетъ о тѣхъ, которыя были дороги ей въ земной жизни. Духъ отвѣчаетъ духу, инстинктомъ обнаруживается наличность сердечнаго расположенія, къ тому же и на землѣ мы притягиваемся одинъ къ другому болѣе душевными, нежели тѣлесными качествами,—говоримъ, разумѣется, объ истинной любви, а не о какой-то на нее пародіи. «Тождественныя двойни» принимаются одинъ за другого только сторонними

людьми: что же касается близкихъ родныхъ, то они хорошо различаютъ близнецовъ, потому что знаютъ ихъ отличительныя душевныя качества, и только удивляются тому, какъ посторонніе смѣшиваютъ двухъ не одинаковыхъ людей. Не то удивительно, что мы узнаемъ другъ друга въ загробномъ мірѣ, а противоположное тому,—какъ могли бы мы не узнать? И такъ, будемъ увѣрены въ томъ, что любовь поможетъ намъ отыскать своихъ ближнихъ посредствомъ безошибочной интуиціи, симпатіи, внутренняго влеченія и душевной пріязни.

Но скончавшіеся за немного, а тѣмъ болѣе за много лѣтъ до насъ не окажутся ли настолько опередившими насъ въ своемъ духовномъ развитіи, что мы уже не въ состояніи будемъ достигнуть ихъ? А если вспомнимъ о тѣхъ, которые отошли въ лучшій міръ назадъ тому цѣлыя тысячелѣтія, то не опередятъ ли они въ своемъ развитіи насъ такъ далеко, что мы, только еще вступившіе въ область вѣчности, рѣшительно не въ силахъ будемъ приблизиться къ своимъ предшественникамъ? Нисколько,—подобно тому, какъ, не смотря на свое относительно высшее развитіе, мать не разлучается отъ малаго дитяти. Наоборотъ, высшее развитіе не предоставляетъ ли ей тѣмъ большей возможности содѣйствовать правильному воспитанію своего младенца?

Теперь спрашивается, какимъ образомъ тѣ, которые испытали два или болѣе сильныхъ аффектовъ, каждый изъ которыхъ достигалъ самаго крайняго напряженія въ свое время, примирятъ въ вѣчности возникающіе въ душѣ конфликты? Самымъ простымъ, потому что тамъ не будетъ происходить никакихъ конфликтовъ. Что же касается различныхъ недоразумѣній, подобныхъ упомянутому, то они проистекаютъ изъ проектируемой нами въ вѣчность несовершенной земной любви. Всѣ предразсудки ограниченной на землѣ любви замѣнятся совершенной небесною любовью, безъ умаленія ея напряженности или партикуляризаціи, все примиряющею своей широтой и глубиною. Подобно тому, какъ въ этой жизни отецъ изливаетъ всю свою любовь на родного сына и, однако, находитъ въ своемъ сердцѣ мѣсто для каждаго, раждающагося потомъ, младенца, причемъ не раздробляетъ ее между дѣтьми, а каждому въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ отдается всѣмъ своимъ сердцемъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ расширится и возвысится наша любовь, изливаясь на каждаго и составляя совершенную гармонію въ своихъ проявленіяхъ. Слова Спа-

сителя о томъ, что на томъ свѣтѣ «ни женятся, ни посягаютъ» (Мо. 22, 30), не означаютъ забвенія о всѣхъ прошлыхъ человѣческихъ отношеніяхъ, такъ какъ относятся къ будущему въ вѣчности, а не къ продолженію установившихся на землѣ связей между людьми. Имѣющая сохранпться вмѣстѣ съ личностью память необходимо удержитъ въ себѣ драгоцѣнныя связи родственныхъ отношеній во всей ихъ духовной прелести, которая только подымется на еще большую высоту, достижимую лишь въ вѣчности.

Но какая же совершенная любовь можетъ существовать на томъ свѣтѣ, если мы должны простить самыхъ заклятыхъ своихъ враговъ, которыхъ оскорбили, или которые насъ оскорбили до послѣдней степени, и съ которыми намъ суждено будетъ жить въ одномъ царствѣ? Сказать, что мы будемъ навсегда отдалены отъ нихъ,—не достаточно, потому что на небѣ должно царствовать взаимное и полное всепрощеніе въ совершенной любви. Не удовлетворителенъ и другой отвѣтъ, что мы совершенно измѣнимся, ибо, если истинность и чистосердечность, какъ самыя драгоцѣнныя душевныя качества, останутся съ нами, то позволительно спросить, какъ возможно будетъ любить тѣхъ, кого мы имѣемъ причины ненавидѣть? При бо̀льшей вдумчивости отвѣтъ на вопросъ не труденъ. Даже и худшіе изъ людей содержатъ въ себѣ нѣкоторыя потенціи добра, нерѣдко открывающагося въ сравнительно короткое время земной пріязни. Мы часто любимъ одинъ другого, не понимая того, какъ это происходитъ; любимъ, потому что видимъ другъ въ другѣ возможность добра, признаки расположенія, сокрытые отъ нашего ограниченнаго взора. Теперь въ вѣчности наше усовершенствованное духовное зрѣніе дастъ намъ возможность видѣть эти сокрытыя потенціи добра, и даже, воспоминаніе о нанесенныхъ оскорбленіяхъ сдѣлаетъ насъ достаточно „проницательными,—такъ какъ мы сами въ очень многомъ получали прощеніе отъ Бога,—чтобы найти достаточно данныхъ для прощенія другихъ и отъ нихъ, въ свою очередь, получить чистосердечное прощеніе, и, такимъ образомъ, поистинѣ, возлюбить своихъ враговъ.

Слѣдующій широкій путь, по которому будетъ происходить постоянное развитіе, это путь *познанія*. Начавшееся на землѣ, послѣднее окажетъ намъ помощь въ качествѣ точки отправленія для постепеннаго развитія въ вѣчности. Не выразить словами радость такого умственнаго развитія. Даже и въ

пріобрѣтеніи земныхъ знаній всякій испытываетъ ни съ чѣмъ несравнимое состояніе особаго рода экстаза, когда кому-либо удастся отвоевать хотя малую область истины, открыть какіе-либо новые законы, воспользоваться доселѣ невѣдомыми естественными силами, или установить прогрессивное развитіе въ доселѣ потаенной части универса. Ученые естествовѣды, философы, теологи—всѣ хорошо поняли душевную радость Кеплера, когда, открывъ свой «третій законъ», онъ воскликнулъ: «всемогущій Боже! Я мыслю Твоими мыслями вслѣдъ за Тобою». Эта радость будетъ продолжаться вѣчно и никогда не сдѣлается монотонною. «Можешь ли ты изслѣдованіемъ найти Бога? Можешь-ли совершенно постигнуть Вседержителя?» (Іов. 11, 7). Изслѣдующій пути Промысла напоминаетъ путника, взбирающагося на Гималайскія горы: поднявшись на одну вершину, онъ видитъ съ нея другія, еще болѣе высокія, вершины и открывающіеся предъ собою болѣе широкіе горизонты; или занимающагося изученіемъ небесныхъ пространствъ: одновременно съ усиленіемъ зрѣнія предъ наблюдателемъ открываются еще большія пространства съ безчисленными мірами; простыя звѣзды оказываются большими созвѣздіями и темныя бездны—вмѣстилищемъ цѣлой системы міровъ, каждый изъ которыхъ, въ свою очередь, указываетъ на еще болѣе чудесные міры. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы казаться скучнымъ занятіемъ, поклоненіе Творцу явится въ видѣ постояннаго, инстинктивно-проявляющагося, чувства благодарнаго изумленія, возрастающаго по мѣрѣ того, какъ предъ нами будутъ открываться все болѣе и болѣе глубокіе планы божественнаго промышленія о мірѣ. По мѣрѣ увеличенія нашего познанія и ясновидѣнія въ отношеніи къ промыслительнымъ планамъ, осуществляющимся на протяженіи безчисленнаго множества вѣковъ, къ сокровенной гармоніи божественныхъ законовъ и дѣйствій, къ чудесамъ безконечной любви и премудрости, къ конечной цѣли мірового процесса,—будетъ усиливаться и наше благоговѣніе къ премудрому Творцу міровъ. И что удивительнаго въ этомъ, когда, даже, и въ условіяхъ земного бытія человѣкъ испытываетъ, подчасъ, невыразимый восторгъ предъ безконечнымъ величіемъ Божіимъ? «Хвалите Его солнце, луна и звѣзды»!—восклицалъ словами псалмопѣвца Галилей. Подобнымъ же образомъ и Агассизъ благоговѣйно выражался: «геологъ идетъ по стезямъ, глубоко проложеннымъ стопами Божіими». «Слава Богу, до-

пустившему меня уловить одинъ лучъ отъ края Его ризы»,— такъ выражался Ньютонъ.

Третій путь вѣчнаго развитія пролегаетъ въ области *служенія*. Несомнѣнно, если Богъ и твари, въ продолженіе минувшихъ вѣковъ, находили радость въ дѣятельности, то и въ загробномъ существованіи послѣдняя не прекратится. Нѣтъ еще большой радости по сравненію съ исполненіемъ великихъ задачъ. Горечь труда состоитъ исключительно въ физической ограниченности и въ неспособности. Отлетѣвшія отъ земной суеты души обрѣтутъ покой въ томъ, что силы ихъ будутъ превозмогать надъ дѣломъ, какъ и сами мы со временемъ вкусимъ наслажденія, состоящаго въ успѣшномъ исполненіи предлежащаго намъ служенія. Всѣ душевныя способности будутъ постепенно и прогрессивно развиваться, съ постоянно открывающимися новыми потенціями въ расширенныхъ сферахъ. Еще находящіеся въ земныхъ условіяхъ, мы подчасъ напряженно стремимся перепестись за предѣлы, поставленные для нашихъ ограниченныхъ чувствъ,—проникнуть въ глубокія бездны океана, въ сокровенныя тайны міровъ, въ безпредѣльныя пространства, слышать неуловимые ухомъ звуки, пріобрѣсти болѣе острое зрѣніе и болѣе утонченные инстинкты, имѣющіеся у наиболѣе развитыхъ животныхъ. Мы страстно хотимъ проникать своимъ взоромъ сквозь естественные феномены матеріи, силы, жизни, и созерцать потаенныя чудеса какихъ-то невѣдомыхъ міровъ съ новою формой, цвѣтомъ, движеніемъ, мелодіей, красотою. Подобно тому, какъ предъ исцѣленными глазами слѣпца открывается цѣлый міръ съ неисчерпаемымъ разнообразіемъ формъ и красокъ, или предъ излѣченнымъ отъ глухоты—звуковъ и мелодій, предъ параличикомъ—область недоступныхъ ему доселѣ ощущеній, такъ, на необозримомъ протяженіи вѣчности, раскрывающіяся и постоянно усовершающіяся способности откроютъ предъ нами новые міры для созерцанія и служенія. Въ такомъ случаѣ не можетъ возникать никакихъ предположеній на счетъ монотонности будущей жизни: послѣдняя откроется предъ нами съ настолько безконечнымъ разнообразіемъ задачъ и средствъ къ ихъ исполненію, что не о скукѣ, а, наоборотъ, о ненасытимомъ наслажденіи можетъ быть рѣчь въ новыхъ условіяхъ нашего бытія. Нѣкоторыя черты предстоящаго намъ служенія мы можемъ видѣть отчасти и въ земной жизни. Вообще, оно должно состоять въ сослуженіи Богу, въ содѣйствіи осуществ-

вленію Его величественныхъ плановъ, въ оказаніи любви къ Его тварямъ, въ воспособленіи взаимному раскрытію нашихъ собственныхъ способностей и способностей другихъ, въ побѣдѣ надъ врагами посредствомъ любви, въ изысканіи путей и средствъ къ ихъ раскаянію и перерожденію, и, можетъ быть, въ соучастіи въ твореніи, въ исторіи и въ завершеніи одного міра за другимъ, одной системы за другой, цикла за цикломъ, универса за универсомъ.

Такимъ образомъ, первый основной законъ природы—вѣчный прогрессъ—проявляется въ трехъ большихъ потокахъ свѣта, бросаемыхъ въ царство тьмы и озаряющихъ пролегающіе въ вѣчности пути нашего непрестаннаго развитія и роста въ любви, познаніи и въ служеніи. Приведенныхъ данныхъ вполнѣ достаточно для нашего упованія на безконечное милосердіе небеснаго Отца.

«Человѣкъ», по словамъ Паскаля, представляетъ собою только трость и, притомъ, самую хилую въ цѣлой природѣ. Однако, онъ—мыслящая трость. Весь матеріальный универсъ не имѣетъ нужды совокупными усиліями поразить его. Для этого довольно пара, или одной капли воды. Но если бы весь матеріальный универсъ соединился для того, чтобы сокрушить его, то человѣкъ, все-таки, оказался бы болѣе благороднымъ по сравненію съ своимъ сокрушителемъ, ибо онъ сознавалъ бы, что умираетъ, между тѣмъ какъ цѣлый универсъ и не подозрѣвалъ бы о своемъ надъ нимъ преимуществѣ». Итакъ, человѣческій духъ, съ его свидѣтельствомъ о богоподобіи, неизмѣримо возвышается надъ цѣлою природой и содержитъ въ самомъ себѣ свидѣтельство въ пользу того, что онъ переживаетъ всѣ предполагаемыя крушенія одной матеріальной системы вслѣдъ за другою, какими бы величественными ни представлялись онѣ для непосредственнаго наблюденія. Звѣздное небо не настолько возвышенно, какъ нравственный законъ внутри человѣка. Всѣ констелляціи не равняются по своей цѣнности одной младенческой душѣ. Человѣкъ—это сынъ Божій и, слѣдовательно, представляется болѣе дорогимъ въ очахъ Божіихъ, нежели поразительный блескъ небесныхъ свѣтилъ. Пусть ничтожна населяемая имъ планета, пусть слабо его бренное тѣло,—все-таки, онъ невыразимо дорогъ предъ Богомъ. Это навѣки подтверждается голгоѳскимъ крестомъ—безцѣнной Жертвой, принесенною за спасеніе міра. Въ своей потенціи человѣкъ является достойнымъ такой ми-

лости. Подобно тому, какъ не по внѣшней невзрачности мы судимъ о достоинствѣ взятаго сѣмени, а по заключающемуся въ немъ пышному расцвѣту, такъ и въ разсужденіи даннаго предмета «еще не открылось, что̀ будемъ» (1 Іоа. 3, 2).

Таковъ первый правильный методъ для укрѣпленія нашей вѣры въ виду безпредѣльнаго универса и для подтвержденія превосходства человѣческаго ума и души надъ всѣмъ сотвореннымъ.

Всѣ вмѣстѣ взятыя преъуказанія только на безчисленныя, заключающіяся въ Творцѣ и въ Его твореніи, потенціи, въ связи съ многозначительными фактами естествознанія, философіи и религіи, приводятъ насъ къ абсолютной моральной увѣренности въ загробной жизни. А если такъ, то безнадежная, ужасная и невыносимая въ другихъ условіяхъ жизнь мгновенно преобразуется, озаряется свѣтомъ доброй надежды и получаетъ величайшее значеніе. Все, казавшееся доселѣ парализованнымъ при неизвѣстности будущаго существованія, выпрямляется въ свой настоящій ростъ и развертываетъ предъ человѣкомъ необозримыя перспективы съ точки зрѣнія вѣчности. Не вполнѣ примѣтныя раньше, побужденія и объясненія жизни теперь становятся достаточно ясными. Есть смыслъ въ тяжелой борьбѣ, потому что она содѣйствуетъ облагораживанію характера, ибо послѣдній существенно важенъ для достиженія человѣкомъ своего назначенія и сопутствуетъ ему въ безпредѣльной вѣчности. Есть смыслъ вмѣсто эгоистической жизни проводить другую, состоящую въ непрестанномъ самопожертвованіи, жизнь, ибо мы—безсмертные труженики среди такихъ же безсмертныхъ, чтобы ихъ и себя приготовить къ блаженной вѣчности. Есть смыслъ въ развитіи своихъ способностей до возможно-высшей степени,—для писателей — обогащать литературную сокровищницу, для поэтовъ—творить идеальные образы, для музыкантовъ—погружаться въ мелодію звуковъ, для чистыхъ душъ—сѣять добро для жатвы другимъ,—потому что всѣ многоразличныя способности сохраняются и вполнѣ расцвѣтутъ только подъ новымъ небомъ. Есть смыслъ въ беззавѣтной любви, не смотря на страшный призракъ смерти, ибо «любовь крѣпка, какъ смерть» (Пѣсн. 8, 6) и въ лучшемъ мірѣ получитъ свое полное удовлетвореніе.

Въ конторѣ редакціи „Церковнаго Вѣстника“, въ книжныхъ магазинахъ И. Л. Тузова (Гостинный Дворъ № 45) и „Новаго Времени“ (Невскій пр. д. № 40), а также и у наслѣдниковъ покойнаго Протопресвитера Военнаго и Морского Духовенства, Доктора Богословія Е. П. Аквилонова (Шпалерная, 44, кв. 20) продаются слѣдующія сочиненія его:

1. Объ истинной свободѣ и нравственномъ долгѣ. СПБ. 1906 г. Ц. 20 к.

2. Христіанство и соціалъ-демократія въ отношеніи къ современнымъ событіямъ СПБ. 1906 г. Ц. 20 к.

3. О физико-телеологическомъ доказательствѣ бытія Божія. Апологетическое наслѣдованіе противъ матеріалистическаго монизма, въ защиту истинности хр. ученія о высочайшемъ смыслѣ и цѣли жизни, управляемой Промысломъ Божіимъ. СПБ. 1905 г. Стр. 434, на велен. бумагѣ, съ четк. шрифт. Ц. 3 руб.

4. Іудейскій вопросъ. О незаконности стремленія къ полноправію со стороны русскихъ подданныхъ Моисеева закона. СПБ. 1907 г. Ц. 30 к.

5. «Не убій» по библейскому ученію и современному толкованію. СПБ. 1907 г. Ц. 10 к.

6. Отвѣтъ г-ну В. И. на мою брошюру: «Не убій». СПБ. 1907. Ц. 5 к.

7. О Спасителѣ и о спасеніи (противъ раціоналистовъ). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПБ. 1906. Ц. 80 к.

8. О соборности Церкви въ связи съ вопросомъ о возстановленіи всероссійскаго патріаршества. СПБ. 1905. Ц. 10 к.

9. Слѣдуетъ ли православному духовенству служить паннихиды по иновѣрцахъ? СПБ. 1905. Ц. 10 к.

10. О недозволительности служенія православнымъ духовенствомъ въ храмахъ паннихидъ по иновѣрныхъ христіанахъ. Отвѣтъ троимъ оппонентамъ. СПБ. 1906. Ц 15 к.

11. Новозавѣтное ученіе о Церкви. Опытъ догматико-экзегетическаго наслѣдованія. Изд. второе. СПБ. 1904. VII+184, 8°. Ц. 2 р.

12. Церковь. Научныя опредѣленія церкви и апостольское ученіе о ней, какъ о тѣлѣ Христовомъ. СПБ. 1894. Стр. I+VI+254+90. Ц. 2 р.

13. Научно-богословское самооправданіе христіанства. О физико-телеологическомъ доказательствѣ бытія Божія. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ въ СПБ. Д. Академіи. 21 февр. 1901. Стр. 90. Ц. 40 к.

14. О постѣ. СПБ. 1902. Стр. 9. Ц. 10 к.

15. О божественности христіанства и о превосходствѣ его надъ буддизмомъ и мохаммеданствомъ. Петроградъ. 1904. Стр. 115. Ц. 1 р. 30 к.

16. Отвѣтъ архимандриту Павлу (Прусскому). Изд. 2-е. СПБ. 1905. Ц. 20 к.

17. Христіанство и современныя событія. СПБ. 1905. Ц. 30 к.

18. О сіонизмѣ. Отвѣтъ на «Открытое письмо» д-ра Гордона къ проф. И. Г. Троицкому. СПБ. 1905. Ц. 10 к.

19. Такъ ли мы виноваты? Отвѣтъ г. Меньшикову по поводу одного несправедливаго обвиненія имъ духовенства. СПБ 1905. Ц. 10 к.

20. Отповѣдь полкового священника на «Солдатскую памятку россійской соціалъ-демократической партіи». СПБ. 1905. Ц. 10 к.

21. О Божествѣ Господа нашего І. Христа и о средствахъ нашего спасенія. По поводу лжеученія графа Толстого. СПБ. 1907 г. Ц. 40 к.

22. Мысли о. Іоанна Кронштадтскаго о воспитательномъ значеніи слова Божія СПБ. 1909 г. Ц. 20 к.

23. Заказныя службы. СПБ. 1903 г. Ц. 10 к.

24. Введеніе въ христіанскую апологетику. Ц. 60 к.

25. Церковь Христова въ дѣлѣ нашего спасенія. Стр. 25 Ц. 10 к.

26. Рѣчь надъ гробомъ въ Бозѣ почившаго Митрополита Палладія. СПБ. 1898 г. Ц. 10 к.

27 Современное значеніе вопроса о церкви. Двѣ рѣчи. Ц. 20 к.

28. Научно-богословское самооправданіе христіанства. Православно-христіанская апологетика. «Чти отца твоего и матерь твою»... (Объясненіе 5-й заповѣди Закона Божія). СПБ. 1911 г. Стр. 74. Ц. 50 к.

29. Безсмертіе. СПБ. 1912. г. Стр. 65. Ц. 60 к.

2007051093